

Николай Полевой

Письма

Николай Алексеевич Полевой

Письма

«Милостивый государь Павел Петрович!

Вчерашний день из 87 № «Московских ведомостей» вся Москва узнала о рождении или, лучше сказать, зачатии «Телеграфа». Спешу препроводить к вам билет и покорно прошу напечатать прилагаемое объявление в «Отечественных записках». Моего же будущего сына – полюбить, ибо он, право, будет малый не дурной и смирный...»

Содержание

1. П. П. Свињину 29 октября 1824 г. Москва . 0007
2. А. А. Писареву 11 июня 1825 г. Москва 0009
3. Д. М. Перевощикову 22 октября 1825 г. Москва
..... 0011
4. П. П. Свињину 22 января 1826 г. Москва . 0012
5. Ф. Н. Глинке 25 января 1826 г. Москва 0018
6. С. Д. Полторацкому Конец 1826 – начало 1827 г.
Москва 0020
7. С. Д. Полторацкому Январь – февраль 1827 г.
Москва 0021
8. А. Я. Булгакову 23 февраля 1828 г. Москва . 0023
9. С. Д. Полторацкому 24 ноября 1828 г. Москва . . .
0026
10. В. Ф. Одоевскому 16 февраля 1829 г. Москва . . .
0029
11. А. С. Пушкину 27 марта 1830 г. Москва . . 0033
12. А. А. Бестужеву 20 декабря 1830. Москва . 0035
13. А. С. Пушкину 1 января 1831 г. Москва . . 0039
14. А. А. Бестужеву 13 марта 1831 г. Москва . 0040
15. А. А. Бестужеву 25 сентября 1831 г. Москва
0044
16. Е. А. Бестужевой 23 января 1833 г. Москва
0056
17. В. К. Карлгофу 10 марта 1833 г. Москва . . 0060
18. В. К. Карлгофу 17 мая 1833 г. Москва 0063

19. Н. Ф. Полевой 29 марта 1834 г. Петербург 0067
20. В. Г. Белинскому 26 апреля 1835 г. Москва
0070
21. В. Г. Белинскому 19 сентября 1835 г. Москва
0071
22. А. И. Герцену 25 февраля 1836 г. Москва . 0072
23. В. Г. Белинскому Конец января 1837 г. Москва
. 0076
24. О. И. Сенковскому 8 февраля 1837 г. Москва.
0077
25. К. А. Полевому 20 декабря 1837 г. Петербург
0079
26. В. Г. Белинскому 22 декабря 1837 г. Петербург
. 0096
27. К. А. Полевому 21 января 1838 г. Петербург
0100
28. В. П. Боткину 20 марта 1838 г. Петербург .0107
29. К. А. Полевому 30 марта 1838 г. Петербург
0112
30. Ф. В. Булгарину 2 апреля 1838 г. Петербург
0113
31. В. Ф. Одоевскому 21 декабря 1838 г. Петербург
. 0116
32. В. Ф. Одоевскому 15(?) января 1839 г.
Петербург 0118
33. А. В. Никитенко 5 января 1840 г. Петербург
0119
34. К. А. Полевому 19 февраля 1843 г. Петербург

0121

35. А. А. Краевскому 9 декабря 1844 г. Петербург . . .

0125

36. А. В. Никитенко 18 октября 1845 г. Петербург . . .

0127

37. К. А. Полевому 8 февраля 1846 г. Петербург

0129

Примечания 0131

Список принятых в примечаниях сокращений

0133

Письма 0134

**Николай Алексеевич
Полевой
Письма**

1. П. П. Свиныну[1][2] 29 октября 1824 г. Москва

Милостивый государь Павел Петрович!
Вчерашний день из 87 Но «Московских ведомостей» вся Москва узнала о рождении или, лучше сказать, зачатии «Телеграфа». Спешу препроводить к вам билет и покорно прошу напечатать прилагаемое объявление в «Отечественных записках». Моего же будущего сына – полюбить, ибо он, право, будет малый не дурной и смирный. Будет гнать только невежество и глупость и постарается жить миролюбиво со всеми добрыми людьми.

Очень хотелось бы мне знать, каково вы доехали и всех ли здоровых нашли ваших домашних.

Здесь по отъезде вашем не произошло ничего любопытного и нового: москвичи собираются толпами смотреть Колосову[3], которая в комедии, в самом деле, прелестна, а вчерашний день бывший доньине трагический актер Мочалов[4] запел и пропел «Черную шаль»[5].

Погода здесь настоящая осенняя – и дороги вовсе нет.

Не оставьте уведомлением о себе, почтеннейший Павел Петрович. Как только я управлюсь с «Телеграфом», то не премину препроводить к вам те статьи, которые обещали вы довести до сведения Александра Семеновича [6]. Теперь же некогда.

С почтением есть и буду ваш покорнейший слуга

Н. Полевой.

29 октября 1824 г. Москва.

2. А. А. Писареву[7][8] 11 июня 1825 г. Москва

Ваше превосходительство милостивый государь Александр Александрович!

Не только не забыл, но всегда с живейшим чувством помню об вас: житейские и литературные заботы отвлекли меня донныне от участия в Обществе, куда, с благословения вашего, готовлю огромную тетрадь и, пользуясь вашим позволением, приеду в ваше Люблино скучать вам чтением оной.

Присланные стихи г. Свечина[9] охотно готов напечатать, боюсь цензуры, ибо письмо кн. Вяземского не пропустили, а в этих стихах не нашли бы того, что поэт оскорбляет жалобой провидение. Представить не можете, сколько я терплю: я думаю, вам известна уже история о запрещенных книгах? Очень забавно, что теперь обязали всех французских и немецких книгопродавцев не продавать мне *запрещенных книг!*

Простите ли, ваше превосходительство, что я без дела, мне порученного, не смел уже

явиться в Общество; а что невозможно сделать было его так скоро и некогда притом, уверяю вас честным словом. Из двух, остающихся от других моих необходимых занятий, часов я посвящу: один час ему, другой Обществу непременно.

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть вашего превосходительства, милостивого государя, покорнейший слуга

Н. Полевой.

11 июня, 1825 года. Москва.

**3. Д. М. Перевощикову[10]
[11]**

22 октября 1825 г. Москва

Милостивый государь Дмитрий Матвеевич!

Обращаясь к вам с покорнейшею просьбою, спешу известить, что поэма Пушкина «Цыгане», а с нею вместе и цыганская песня [12], в Петербурге пропущены и уже печатаются. Я прибавил примечание. Если в «Войнаровском» [13], в «Братьях-разбойниках» и проч. пропускались многие и не такие вещи, с оговоркою только, то слова цыганки, от которых в примечании мы отрекаемся, неужели подвергнутся осуждению? Не введите меня, почтеннейший Дмитрий Матвеевич, в убыток: я уже отгравировал ноты. Ваш покорнейший слуга

Н. Полевой.

22 октября 1825.

4. П. П. Свиныну[14] **22 января 1826 г. Москва**

22-го января 1826 г. Москва.

После разлуки нашей в Москве, где, к сердечному моему прискорбию, не успел я даже и проститься с вами, столь долго не получая обо мне известий, вы могли подумать, что я или переселился уже ко отцам нашим, или – но я не думаю, что почтете вы, почтеннейший Павел Петрович, молчание мое знаком забывчивости или охлаждения того почтения и дружбы, которые привык я питать к вам в сердце моем. Нет! совсем не то, но бесконечные хлопоты, досады, огорчения и горести, преследовавшие меня с половины прошедшего года, – вот что единственно не допускало меня до приятности побеседовать с вами. Когда грустно, не хочется ни за что приняться – по крайней мере, проклятый сплин мой, мешая многому в жизни, всегда препятствует и дружеским сношениям. Вот уже несколько месяцев, как я ни строчки не написал никуда,

хотя уверен, что выг снисходите слабостям ближнего, особливо когда знаете, что этот ближний без перемены вас любит и уважает.

Со сколькими вещами мне надобно бы вас поздравить! С благополучным приездом, с положением страннического посоха у подножия домашнего пената, с возвращением в ваш прелестный, незабвенный для меня кабинет да, наконец, с Новым годом.

Не исчисляя подробно, оптом поздравляю вас, желая здоровья и счастья в новом годе и прося вас продолжить ваше дружеское ко мне расположение.

Как знак моего почтения спешу препроводить к вам билет на «Телеграф» вместе с 1-ою книжкою. Запоздал я наряду со всеми, но нечего делать, зато поспешу следующими книжками и, *еще бог поможет*, к марту надеюсь управиться, выдавать книжки постоянно в начале и половине каждого месяца. Прошу вас уведомить, любезнейший Павел Петрович, понравится ли вам новое расположение и характер «Телеграфа». Я решился разделить ученую часть от чисто литературной. Желал бы освободить себя от последней, ибо много

здору принужден помещать поневоле, но нечего делать: публика хочет легкого. Спасибо ей, она славно награждает меня за старание услужить ей, и я никак не думал заслужить от читателей моих такого *почтения* или *чтения*.

Представьте, что по сие время у меня уже 700 подписчиков и, кажется, до 1000 доберется. По крайней мере, книгопродавцы уверяют, что примеров этому не видали. Вы знаете, что я не употребляю никаких посторонних средств – просто объявил подписку, и кому угодно – бери. Как-то у вас в Петербурге, а здесь с упадком торговли вообще упала и книжная торговля, а журналы особенно. Каченовский[15] бесится, что у него нет и половины *даже против прошлого года*; других журналов и 300 экз. не печатается каждого. Так уж «Телеграфу» счастье выпало. Уведомьте о ваших «Отечественных (или, как говорят французы, *отеческих*) записках», которым искренно желаю тысячей пренумерантов, надеюсь, что теперь, будучи на месте, вы увеличите их достоинство более и более. Число предметов у вас так увеличилось, что теперь, я ду-

маю, вы должны будете умножить и число листов. Я уж чем другим не отличаюсь, как толщиной книжек: хочу пустить по 10 листов книжку, 36 картинок мод и с дюжину картинок сверх того. Дело в том, что есть из чего, ибо, хотя издержки и составят почти 20 000 в год, но все за труды останется. Я думаю, что главное – *хорошо делать*, а потом уже *думать о барышах*.

Что сказать вам о Москве? Все по-старому – литература здешняя есть существо относительное к вашему Петербургу и страх как идет тихо. Мы все ждем от вас новостей, и вот уже здесь появились разные петербургские гостинцы. Я не начитаюсь Пушкина![16] Что за прелесть! Какой талант огромный! Альманахи нынешний год что-то оплошали. Если «Северные цветы»[17] не вывезут, признаться, не много выиграем мы от многого числа их. Не говоря о «Невском альманaxe»[18], как не совестно Ал. Еф. Измайлову[19] выдавать под своим шифром такой вздор? «Урания»[20] наша, разумеется, лучше покойницы «Калужской Урании»[21], но плоха. Завтра явится сборник пресловутого Писарева[22], который

режет водевилями журналистов, а сам ничего до сих пор не сделал, даже порядочного – посмотрим! Но странно мне, что у ваших петербургских откупщиков[23] достало духу хвалить мерзость, изданную Глинкою под названием *Московской*[24], и сравнивать «Календарь муз» и «Уранию» с двумя солнцами. Кажется, что с нового года «Пчелка» забыла весь стыд[25] и врет без стыда и без совести, льстит, ползает перед каждым могущим снабдить статейкой. И это литераторы!.. И это критика!.. Впрочем, все это решило меня решительно не вступать с ними ни в какие споры – буду иногда щелкать их мимоходом, а впрочем пусть говорят, что им угодно и как угодно. Я жалею, что прошлого года связывался с ними[26]. В прилагаемом письме, которое покорно прошу передать Б. М. Федорову[27], благодарю его за предложение участвовать в литературной битве и отказываюсь от всяких полемических статей, т. е. *битвенных битв*, по переводу кн. П. И. Шаликова[28]. А прогос, видели ли вы его в новом желтом мундире [29]? Мил да и только.

Боюсь, не обременил ли я вас моим болта-

нъем; но простите говорливости и верьте, почтеннейший Павел Петрович, что я с неизменным чувством почтения есмь ваш усердный и преданный вам

Н. Полевой.

5. Ф. Н. Глинке[30][31] 25 января 1826 г. Москва

Милостивый государь Федор Николаевич! С неизъяснимым удовольствием получил я ваше письмо от 24 с (его) декабря и приложенный при нем подарок – *подарок*, милостивый государь, потому что сочинения ваши, бесспорно, могут почесться изящнейшим украшением всякой книги и журнала.

Покорно вас благодаря за снисхождение к несовершенному моему созданию, за лестное одобрение слабых трудов моих, я спешу препроводить к вам, через А. Ф. Смирдина[32], экземпляры «Телеграфа» на 1826 год. *Первая* книжка украшена двумя вашими пьесами[33] – остальные, как сусеки свое золото, буду беречь и помещать повременно: таких подарков, как ваш, я получаю очень немного и должен дорожить ими.

Виноват без всякого оправдания, что доныне ничем еще не отплатил за честь избрания меня в почтенное Общество, состоящее под председательством вашим. Если бог поможет,

надеюсь в нынешнем году иметь более времени и досуга заниматься чем-нибудь порядочным, ибо не смею препроводить к вам какой-нибудь безделки. Журнал, заботы по части существования и, сверх всего, огорчения поглощали у меня все время в прошлом году. Жизнь человеческая сплетена из терний; есть, правда, в ней и цветочки, но их, по крайней мере, в плетушке моей жизни, страх как мало. Душа летит кверху – но жизнь земная тянет к земле! Что делать...

Экземпляры «Телеграфа» для библиотеки Общества препровождены мною к А. Ф. Смирдину. Прикажите взять.

С истинным почтением и совершенною преданностию честь имею быть ваш, милостивого государя, покорный слуга

Н. Полевой.

25 января 1826 г. Москва.

**6. С. Д. Полторацкому[34][35]
Конец 1826 – начало 1827 г.
Москва**

С благодарением и поклонением гражданин Филадельфии честь имеет возвратить президенту Нью-Йоркской палаты «Journal des Debats» – ровно в назначенный день (воскресенье) – исправен? А все вы, президент, бранитесь за мою неисправность!

Верно, вы знаете об улучшении «Телеграфа»? Князь Вяземский (или Вязлемский, как кричат при выходе из театра *жандармы*) действительно работает и не пошел ни на какие советы Пушкина[36], чтобы меня совершенно оставить! Порадуйтесь! Он пишет некрологию Тальмы[37], обозрение русской словесности, дал много статей – хорошо ли? а? Пришлите мне с подателем «Encyclopedie portative» [38] – она мне очень нужна – ваш... [39]

7. С. Д. Полторацкому[40] Январь – февраль 1827 г. Москва

Боливар[41], великий человек!
Что с вами сделалось, гражданин? Болен? Да поможет вам тень великого Франклина[42]: он умел отнять *молнию у неба, а скипетр у тиранов.*

Рады бы приехать к вам, но все дело в сборах.хлопот много, но, однако ж, явиться нам можно будет; как мы желаем вам здоровья, свидетель бог, нет – Вашингтон!

Геро[43] изъявил желание Толстому[44], который говорил ему об этом от Вязменского, и обещал еще сотрудников; ведь это первый пример для русских журналов. Геро скоро пришлет первую статью и письмо свое, а теперь от него получено только «Revue poétique» [45], кажется, и прилагаемая у него статья: обе выпечатаны из «Нотр Revue» [46]. Слышали ль вы, что меня недавно чуть было не взорвало в пороховом магазине? Небо сохранило дня мои для счастья гайтян.

Поклон и почтение
Бойе[47].

**8. А. Я. Булгакову[48][49]
23 февраля 1828 г. Москва**

Ваше превосходительство милостивый государь!

Имею честь получить письмо ваше от 14 числа сего февраля и прилагаемую при нем статью об Итальянском петербургском театре, долгом моим поставлю покорно благодарить ваше превосходительство за лестный отзыв ваш об издаваемом мною журнале. Похвала ваша есть одна из приятнейших наград на все труды и хлопоты, каких стоит мне журнал.

К крайнему прискорбию моему, я не могу напечатать присланной вами статьи. Мы все, журналисты московские, давно просили у цензуры позволения писать о театре, но после указа 1824 г. это строго было нам запрещено. Не находя, однако ж, в новом уставе[50] ничего запретительного и видя, что в «Пчеле» печатают статьи о театре, и здесь в последнее время цензура самовольно позволила писать их. Вследствие этого была статейка в «Мос-

ковском вестнике» [51] и невинные аханья в «Дамском журнале» [52]; словом, о новых театральных пьесах писать позволялось с тем только, чтобы «не говорить об игре актеров, не говорить о том, каково пьеса была поставлена, каково публика ее приняла, какова пьеса по существу своему, и отнюдь не намекать, что говорится о пьесе, игранной на театре».

Несмотря на все сии маленькие ограничения, партия театральных писачек, которой, признаюсь, не щажу я в моем журнале, будучи дружна с цензором (он сам драматист) [53], так обрезала еще сверх того мою первую статью, что если бы я мог доставить ее к вашему превосходительству, то, верно, вы посмеялись бы, какие искусные портные наши московские цензоры. Я решился лучше совсем ничего не писать. А к испугу цензуры, от 15 февраля сего года попечитель [54] сообщил повеление министра народного просвещения [55], чтобы отнюдь *ничего о театре не печатать* без особенного дозволения генерал-адъютанта Бенкендорфа [56], ибо все статьи в «Северной пчеле», как говорит министр, идут чрез его, а не чрез обыкновенную цензуру.

Если можно будет вашему превосходительству прежде отдать прилагаемую статью в сию особенную цензуру, то возвратною присылкою ее чрезвычайно одолжите издателя «Телеграфа» и публику нашу; статья будет немедленно напечатана.

Я получил от кн. Вяземского только выписки из записок Боке? и с особенною благодарностию их напечатая, почитая все, что имею честь получать от вашего превосходительства, истинным украшением журнала моего. Ожидая приезда вашего в Москву, донныне хранил я отпечатанные особо листы превосходной статьи вашей о начале русских газет, которые при сем препровождаю.

С истинным почтением и совершенною преданностию честь имею быть, вашего превосходительства, милостивого государя, покорнейший слуга

Николай Полевой.

Февраля 23 дня 1828 года. Москва.

9. С. Д. Полторацкому[57] 24 ноября 1828 г. Москва

Шутка шуткою, а дело делом, милостивый государь Сергей Дмитриевич (простите холодным этим словам, но после вашей цыдулки – не смею поставить «любезный друг» и тем еще менее что-нибудь другое).

Если в шутку написана эта цыдулка ваша, то, признаюсь, дурная эта шутка опечалила меня; если ж в самом деле, то я не знаю, что подумать!

Если бы мое здоровье и время позволили мне, то сейчас отправился бы я к вам и просил вас разрешить недоумения. Но ни то, ни другое не позволяет мне сделать этого, и я принужден писать.

Если дело до этикета, то почему затворенная дверь есть оскорбление? Только в Москве вечно гости и вечно в гостях; более нигде этого не бывает, и звонок на дверях говорит, когда кто дома или нет.

Если дружба наша могла поколебаться от такого пустого дела, то – знаете ли? Она после

этого не стоит доброго слова. Если вы, как друг, станете рассматривать себя, то не знаю, кто виноват будет.

Кроме головной боли мне дыхнуть сегодня не было времени. Приезжаете вы – я был дома, но подумал, что *ему нет дела важного*, и никак не полагал, чтобы это разрушило *четырёхлетнее* знакомство и дружбу, при чем никто из нас не заметил друг за другом ничего сколько-нибудь предосудительного.

Неужели проклятый *аристократизм* и тут вмешался?! Неужели за то вам гнев, что *плебей* осмелился не сказать: «Я дома»? Если бы я знал, что это точно – клянусь прахом *того человека*, которого ставлю выше всех героев – мы более никогда бы не видались.

Но – нет! Это минутная вспыльчивость. – Не правда ли? Это не следствие аристократизма? Это не следствие расчетов? Скажите «да», и я готов *на коленях* просить прощения в действии моего сплина, моей дурной головы, *на коленях*, ибо перед другом не стыдно стигать их.

Да или – нет?

Если мы не расстанемся навсегда, то идите

к нам сейчас или в этот вечер, обнимемся и – во имя... докажем, что добрые люди могут ошибаться, поступать не так, но признаются в ошибках и умеют ценить друг друга выше вздорных пустяков и капризов.

Как назвать себя? – *Ваш...* на всякий случай, если вы не шутите – покорный слуга и *ответчик*

Полевой.

**10. В. Ф. Одоевскому[58][59]
16 февраля 1829 г. Москва**

16 февраля 1829 г. Москва.

«Бесчисленное» письмо ваше, любезный князь, меня сердечно порадовало, хотя недосуги и не давали мне досуга до сих пор отвечать вам. Что за дело? Так же дружески и с совершенною уверенностью на неизменяемость свою и вашу пожал бы я руку моего доброго князя, и пять лет не писавши к нему, и десять не выдавши его; так же сказал бы ему по-прежнему: «Милый князь! Люби любовь!» Помните ли? Помните ли и мерзкую карикатуру Соболевского[60], которою огадил он эту, право, не дурную песенку? Как благодарил я вас за послание ваше, милый князь; оно пришло очень кстати и оживило меня, перенесло в прошедшее, разогрело сердце и душу. Нам надобно бы писать друг к другу, надобно бы иногда беседовать, спрашивать, *что ты делаешь?* Я делаю *вот что*. Вы не поверите, что за жизнь веду я теперь совершен-

но уединенную, в кругу семейства, в отношении общества: я со всеми расстался! Вяземские[61], Боратынские, поэты, поэтики, светские люди встречают у меня запертую дверь. Между тем гражданская и кабинетная моя деятельность доходят до высшей степени: я с утра до вечера занят, мало сплю, корплю за конторкою, езжу к моим должностям и каждый день засыпаю с чистою совестью, хотя иногда грустно от дел, от людей. Так, с тех пор как мы говорили с вами в маленьком кабинете вашем в Газетном переулке, когда мы дали друг другу слово: быть деятельными, сколько можно, ибо это назначение человека, я поглощен этим решением. Слава богу! На малом поприще, где судьба велела мне действовать, есть дело: я *литератор* и *купец* (соединение бесконечного с конечным) и могу работать двойкою. Уже граждане мои уважили меня, понимают, заменяют во мне богатство предполагаемым умишком (важный шаг!) и слушают. Теперь я здесь: директор коммерческой академии[62] и действую на воспитание 70 юношей купеческих, член Мануфактурного совета[63] и действую на про-

мышленность, и три дня только кончилось мое дело по избранию в члены Комитета, рассматривавшего проект нового вексельного устава. (Тут были Обольянинов[64], Дегай[65] и Д. Н. Бегичев[66] (который здоров, любезный, добрый человек и живет здесь в Москве) и кроме их еще купец да я.) Вероятно, вы слышали об этом проекте? Хотите ли, чтобы я прислал вам список с замечаний наших? Целая книга, и – много правды: сам царь велел нам говорить ее. Теперь судите о занятиях моих и целях оных, присовокупив к тому «Телеграф». Этот «Телеграф» я стараюсь поддерживать, но он тяжелит меня. Душа просит лучшего, более важного занятия. Если бы не вещественные выгоды (ибо чем же мне жить?) и не горестная уверенность, что с «Телеграфом» умолкнет деятельность журнальная (а публика читает и любит читать журналы, ergo[67], действовать на нее журналом всего лучше), я бросил бы издание журнала, соединенное с бездной хлопот мелких, забот пустых и неудовольствий всяческих. Между тем, скажу вам, милый князь, на ушко, что журнал меня не довольствует, и я принялся

деятельно за литературный труд, огромный и важный. Я написал было том романа[68], несколько глав книги о политической экономии[69] – все оставил и – скоро явлюсь с «Историею русского народа» [70]! Каково предприятие? После Карамзина?[71] Но *десять* или *одиннадцать* лет приготовлений и решительность дают мне силы. Вы увидите новое, много нового, еще не сказанного в России. Хотите, я пришлю к вам понятие о главной идее, о плане? Вся «История» будет в *четыре*х больших томах, но они будут простираться до 1830 года по Рождество Христово. – Что, похвалите или побраните вы меня? Листочек мой исписывается, времени остается уже немного до отправления письма, а я только что разговорился, и у меня есть к вам и много известий, и *просьба*. Да, *просьба*. Сперва известия. Верстовский[72] здоров и живет с своею Репиною[73], смеется над Кокошкиным[74] и пишет новую оперу. Театр здесь совсем упал. Если бы не <...>

**11. А. С. Пушкину[75]
27 марта 1830 г. Москва**

27 марта 1830. Москва.

Ничего, совершенно ничего, милостивый государь Александр Сергеевич. Мы все, старые члены[76], ничего не делаем, по крайней мере, а из этого и выводится закон, так как по *старым решениям* иностранные юристы составляют законы. Избрание ваше сопровождалось рукоплесканиями и показало, что желание Общества украсить список своих членов вашим именем было согласно с чувствами публики, весьма обширной. За диплом вносят члены (т. е. за пергамент) 25 рублей. Если в самом деле решатся поднять Общество, как было хотели, вы, я уверен в этом, не отказались бы участвовать. Но, теперь... бог знает, что сделается с Обществом, и не будет ли оно иметь участи Общества Соревнователей[77] – никто не ручается.

С почтением есмь всегда ваш покорный слуга

Н. Полевой.

12. А. А. Бестужеву[78][79] 20 декабря 1830. Москва

Милостивый государь Александр Александрович! Ваше письмо было для меня неожиданною радостью, посланием с того света. Благодарю, сердечно благодари вас за него, за содержание его. Сколько лет, сколько событий! Во все это время я любил вас и тотчас узнал вас, воскресшего Лазаря[80], в «Сыне отечества» [81]. Что мне в имени! Бестужева я угадаю в тысяче. Душевное удовольствие принесло мне известие ваше, что и я не был забыт вами, что вы признаете даже небесполезность моего литературного существования во все это время. Такое сознание есть моя награда, чистая и единственная. Вы не узнали бы меня теперь: я постарел телом, и если бы с этим не соединялось какой-нибудь старости умственной – признаюсь: игра не стоила бы свеч. Мысль, что недаром пропадают годы, проводимые в трудах, и что есть люди, умеющие ценить жертву добру среди пошлого нашего времени и толпы, не достойной любви и

уважения, – только это меня укрепляет. Не думайте, чтобы я трусил осуждений, желал похвальной молвы – нет! у меня достаёт силы души на презрение и есть столько ума, чтобы взвешивать понятия моих любезных соотечей. Но надобно вам хорошо знать литературу нашу за последние пять лет... Что это сделалось? Хаос, нестройство, старое упало, нового нет. Я живу теперь совершенным пустынным, и печатно, и общественно. Утешаюсь тем, что даю теперь последнюю битву – глупому и ничтожному аристократизму литературному. С падением его останется, по крайней мере, чистое поле. Люди явятся. В началах разрушения лежат Семена возрождений. Нам, нынешним литераторам, не быть долговечными. Таково наше время. Счастлив, кто возьмет у будущего вексель хоть на одну строчку в истории. Надеюсь, что буду еще иметь случай писать к вам обо всем этом после. Теперь спешу с моею благодарностию и согласием на ваше предложение. Присылайте, сколько хотите: вам всегда почетное место.

Как скоро почта станет принимать по-

сылки, отправлю к вам мою «Историю», которой 3-го тома за холерою[82] не мог я ныне достать: всё болело, бежало, не работало. В будущем году надеюсь выдать пять или шесть томов, ибо остальные, думаю, затруднятся разными обстоятельствами. Мы живем в исторические годы, и цензора наши страх как не любят таких годов. Чем ближе к новому, тем труднее писать. Но – испытаем. Помню, что вы разгадывали и прежде Карамзина[83]! *Его* время прошло без возврата. *Слов* становится недостаточно, надобны *мысли*. Вы не поверите, как Карамзин и все карамзинское ныне упало. Может быть, мы вытягиваемся на цыпочки – все, однако ж, лучше, нежели сгибаться, чтобы уравнивать себя с пигмеями.

Простите, что я сел на своего конька. Назовите меня мечтателем, но лучше сидеть на деревянном коньке и думать, что едешь, нежели сидеть в мягких креслах и не хотеть двинуться.

Прошу вас препоручить мне все по литературной части; охотно буду вашим комиссионером и все постараюсь исполнить.

Угодно ли вам литературных сплетней? Я

буду вашим исправным летописцем. Но *пер-*
вого письма не хочу марать ими. Буду ждать
вашего ответа и, начав сердечным удоволь-
ствием о получении от вас вести, закончу на-
деждою, что эта весть не будет последнею.

Имею честь быть вашим, милостивый го-
сударь, покорным слугою.

Николай Полевой.

Декабря 20. дня 1830 г. Москва.

**13. А. С. Пушкину[84]
1 января 1831 г. Москва**

Милостивый государь Александр Сергеевич! Верьте, верьте, что глубокое почтение мое к вам никогда не изменялось и не изменится. В самой литературной неприязни [85], ваше имя, вы, всегда были для меня предметом искреннего уважения, потому что вы у нас *один и единственный*. Сердечно поздравляю вас с Новым годом и желаю вам всего хорошего.

С совершенною преданностию есмь и буду ваш, милостивого государя, покорнейший слуга

Николай Полевой.

1 января 1831 г. Москва.

14. А. А. Бестужеву[86] 13 марта 1831 г. Москва

Мне казалось, почтеннейший мой Александр Александрович, что Кавказ растолстел и загородил дорогу почты. Так думал я, ожидая более двух месяцев ответа на мое письмо от 26 декабря[87]. Он получен; заставил погрузиться, заставил и порадоваться. Приложения при нем достойны вас[88]: от одного я хохотал так весело, как давно со мною не случалось, другое – прелестно. Брат мой, обожатель немцев, говорит, что вы заключили в вашу повесть философическую мысль. Пишите, пишите и давайте сюда, чем больше, тем лучше. В этом отношении положение ваше самое поэтическое. Не грусти и не жалея, человек, *отлит ценный Зевеса любовью!* Мир изящного, мир души тогда развивается вполне, когда душа, как старая руина, стоит уединенно, обросшая лесом, загроможденная дикими скалами. Жить в такой руине трудно, но там – поэзия! Наша пошло спокойная жизнь походит на дом, светлый, большой, стоящий в

Тверской части, на Тверской улице, в котором жить можно с довольною удобностью, но где ни одна великая мысль не придет в голову, а счастье зеваает. Буря, расторгшая вас со всем миром, да не прогремит даром. Ради бога, забудьте вы мир и людей, как они забыли вас, творите свои фантасмагорические миры и верьте, что жизнь дана нам создать что-нибудь, прибавить что-нибудь в сумку нищего человечества, а не для того, чтобы проскучать и продосадовать ее с себе подобными, которые, общезвзятые, достойны всяких жертв, но частью, поодиночке, – большею частью не стоят доброго слова. Есть *избранные* – много ли их? И где сыщешь их в ветошном ряду страстей и глупостей!

Теперь не успеваю писать к вам. Поспешаю только отправить несколько *хозяйственных* строк. Вот они:

Сегодня, с тяжелою почтою, послал я к вам требуемого *Нибура*[89] (свой экземпляр, ибо его здесь всего раскупили, а из Петербурга ждать было бы долго). К этому присовокупил 6 книжек «*Revue Francaise*» (это лучший журнал в Европе, его издает Гизо[90]), прибавил

Гофмана, от которого Европа с ума сходит и которого, вероятно, вы не вполне еще знаете, и – *Мицкевича*[91].

Видите, какой набор. Я не знал, что послать; хотелось бы, чтобы вы *отвели душу*. Но далее *что* и *как* посылать надобно переговорить с вами. Чтение – бездна неизмеримая. Уведомьте меня, есть ли у вас словари и книги, нужные для справок? Также *Омир*[92], *Шекспир*, *Гете*, *Шиллер*, *Байрон*, *Данте*? Эту шестерню веков не посылаю потому только, что, может быть, они у вас уже есть.

Посылки мои все могут быть на таком положении или основании, что ненужное и громоздкое и дорогое можете посылать мне обратно, выписывая только для прочтения. Удобно ли вам это? Есть ли у вас также место и удобство иметь при себе сотни две книг, которые должны составить вашу собственную библиотеку? Я отобрал бы вам две сотни жемчужин (о деньгах, ради бога, ни слова. Черт с ними!).

Разрешите мне предварительно все эти вопросы. С будущей почтою пришлю к вам тетрадку, а не письмо. Простите!

Ваш Полевой.

Марта 13 дня 1831 г. Москва.

Доброму и милому Ивану Ивановичу[93],
товарищу вашему, пожмите за меня руку. По-
левой любит его, ибо он вас любит,

15. А. А. Бестужеву[94]

25 сентября 1831 г. Москва

Не вините ни почту, ни черкесов, ни чуму ни холеру, незабвенный мой Александр Александрович, – вините одного меня, *меня*, в моем молчании, бессовестном, непростительном! С марта молчу я, не писал к вам ни одной строчки; когда и без того целые месяцы идет от вас или к вам письмо – я полгода промедляю, не отвечаю даже на ваши письма, истинную утеху души моей, высокое наслаждение моего сердца! Да, я говорю это вам, как на исповеди, и божусь всем, что еще есть для меня в мире драгоценного, – это святая правда! Причина молчания во мне самом и более ни в ком и ни в чем. Не знаю, известна ли кому наша переписка, не знаю, что могут из нее заключить. Но, чистый совестью; не боюсь я никого и ничего. Дайте мне хоть в воображении поцеловать и крепко обнять вас! Испытанный жизнью, Бестужев сам не может видеть и ценить себя, но я вижу, чувствую, понимаю его – и бог знает чем бы ни заплатил, если бы

мог его теперь укрыть в мои объятия, мог сам укрыться на грудь человека от людей. Да, мой незабвенный Александр Александрович, они истерзали, измучили меня. Это звери, это какие-то центавры с человеческими рожами и с звериными остальными членами. Не выключаю и себя. Хаос души моей мне самому часто непонятен. Грущу, терзаюсь, не видя в себе самом определенного, чистого стремления к небесам. Чувствую, как земля просит своего. Казалось бы, пора решить задачу бытия для самого себя, пора определить цель земной жизни. Расчет короткий, дело ясно. Судьба предоставила мне редкий удел какого-то экономического счастья. Рожденный бедным купцом, с заботами о существовании своем и многочисленного семейства, я успел физически укрепить их и свое бытие. Этого мало: она дала мне средства сделаться почетным в ряду моих сограждан, драгоценное доброе имя заменяет в глазах их недостаток денег, и имя Полевого они считают честью. Этого мало: семейство у меня премилое. Если бы вы знали моего брата (*Ксенофонта*, а не Петра – он соименник товарищу младшего Кира, ученику

Сократа, а не апостолу Петру[95]), – такой души редкой: это вулкан под ледяною корою. Он меня любит, как любовницу, а я его еще более, ибо чувствую, что *он мое* создание. Шестеро малюток моих прелестны, младший сын – настоящий ангел! Остальное семейство мое – добрейшие, благороднейшие души.

Вот физический мир мой. А метафизический? Не буду скрываться перед вами, сказав, что чувствую свое прекрасное назначение содействовать благу отчизны таким делом, которого никакая сила запретить мне не может, – разумею *литературу*. Литературное поприще в России необозримо, и в десять лет литературного бытия я уже успел во многом быть полезным – это я слышу, чувствую, понимаю. Работа для меня ничего не стоит, работаю больной и здоровый, веселый и печальный, с целью и без цели, с совершенною уверенностью, что вся награда в *труде*, не ожидая ничего, даже думая, что в наш век всеобщих переломов – политических, моральных, ученых – нельзя работать на века.

Этот метафизический мир для меня тем дороже, что я сам его создал для себя, сам об-

разовал себя для этого мира, беру с бою, без покровительства, без выслуги, смело объявляя войну пошлой знаменитости и сильному невежеству. Двадцати лет начал я учиться, сам, без руководства, в глуши, только с братом, на книжонки, купленные из бедного остатка денег, которых у меня было тогда меньше, нежели ничего. Мысль, что теперь в *России* могу причислять себя к людям, знакомым со всеми европейскими идеями, – мысль усладительная! Вот вам светлая сторона моего бытия, милый мой Александр Александрович!

Теперь загляните в темную. С чего начать? Может быть, с того, что каждый, дерзнувший выступить дальше битой дороги, платит за это тяжело и ужасно, и в себе, и в людях! Человек – кусок мяса – требует *счастья*, которого никогда и никто не сыскал. По крайней мере, нет счастья для тех, которые прыгают чрез людские головы. Чувство вечной деятельности духа, вечной борьбы не есть счастье: это труд, а счастье есть отдых. Мне мало того дыханья, которым дышут все, я не могу плясать под тот оркестр, под который все танцуют, – и

прощай мир души! Бури страстей, таимые в душе с малолетства, никогда не разыгрывались у меня в вихрях порока и низких страстишек; никогда и не разыграются. Но каково же это? Мелкое честолюбие, мирская любовь, светская дружба... не были моими идолами. Той, которую любил бы я, прежде всего сказал бы: «Умрем вместе!» и посмотрел бы, как она стала вывертывать у меня свою ручку и шептать: «Он сумасшедший!» и с ловким книксеном спряталась бы за какую-нибудь пустоголовую фигуру. *Буттер-бродовые души!* Так во всем, и чем далее, тем более! И какое же следствие? Недовольство другими? Это еще не беда, но – ужасное *неудовольство самим собою* – это Жан-Полев демон[96], который одним ногтем сколупнул солнце с неба, – он начнет терзать, мучить, и силу этого демона я испытываю вполне! Он отравляет мне все; он ясно показывает мне мое бессилие, мою бессмысленность, мое ничтожество как человека, как гражданина, как писателя. Не называйте этого честолюбием, тщеславием – нет, это какое-то странное волнение души, от которого часто кровь кипит во мне, как в котле, и бро-

сается вся к сердцу и в голову. Меряю честолюбие других – как ничтожно; прикидываю счастье иных – какая гадкая проза... Но я не могу изъяснить вам ничего более, и если из моих разбросанных слов вы ничего не поняли, – не поймете никогда и ничего. Страннее всего, что я не впадаю от этого ни в сплин, ни в хандру; наружность моя спокойна, ни одной душе не сказывается душа моя; люди дивятся моей деятельностью, не чувствуя, что эта деятельность у меня лекарство и похожа на прогулки, которые велят делать больному. Одно, что осталось, – действовать к добру, сколько могу, и мысль, что, если это действие должно убить меня, то смерть, при совершенном обессилении на поприще деятельности, конечно, есть все то, что *должно* человеку сделать. Иногда сам удивляюсь своей *живучести*, иногда это мне досадно даже... Скорее бы, скорее!.. Но, видимо, еще не время! Воображаю себе солдата, который шел в битву. Если бы он дошел, то отличился бы, как герой, но – длинный переход в бесплодной, безводной степи уморил его, и, не дошедши до неприятельских батарей, он упал и умирает

от голода и усталости... Это я! Может быть, никто не подозревает в хладнокровном издателе «Телеграфа» такое странное создание. Это мне часто бывает забавно! И как немного людям надобно? Трогай их краешком сердца, кусочком души – этого товара так мало у них, что они изумляются обилию его у вас. *Говорят*, что я добрый семьянин, почтенный человек в обществе, что я делаю добро, но – ради бога! если бы я этим не был, я был бы чудовище; об этом и говорить нечего, мне кажется, так как нечего хвалить человека, если он не бездельничает. Моя идея *добра и счастья* – душит меня – она неисполнима...

Но я забылся, пишу, пишу – не имею сил прочесть написанного, но чувствую, что я до сих пор говорил *только о себе*. Неужели я так самолюбив? Неужели мое «я» так любопытно? Но я хотел раскрыть себя перед Бестужевым – пусть он любит или ненавидит меня, зная хорошо. Но – еще несколько слов: не написал ли я, что я не люблю людей? Это клевета на себя! Не сказал ли, что они никуда не годятся, что я их ненавижу, презираю? Это клевета на них! Они – глина и бог; но бог в каж-

дом из них есть; в руде каждого человека хоть крупинка чистого золота всегда сохраняется. Не слишком ли много мы от них требуем? Зачем спрашиваем у каждого, чего должно спрашивать только у избранных? Чувствую, что на меня находит мой добрый стих...

Мысль о вас отравляет его в эту минуту... Милый Бестужев! Послушайте, – чувствуете ли вы свое *перерождение*, чувствуете ли, что ветхий Адам свалился с вас, как чешуя с глаз Савла[97], при громе бедствий и буре страданий, вами испытанных? Разгадайте, узнайте эту светлую идею и дорожите жизнью, дорожите собою! Уже десять лет я вас знаю. Какое сравнение между тем вихренным Бестужевым, которого видел я некогда в шуме Петербурга, и Бестужевым, который писал «Письмо к Эрдману» [98] с Лены и с Кавказа. Но вот где он, этот Бестужев, – в письмах ко мне! В этой драгоценности, которую будут читать и плакать через несколько веков. Только тем, которые прошли, узнали тяжкую школу бедствий, так чувствовать и мыслить. Сличаю себя с вами – какая разница, какое расстояние! Не знаю, что такое беспорядочное, нестройное

вижу в себе, и какая гармония, какая светлость, какая ровная сила в Бестужеве! Ваша поэзия не имеет нужды в стихах, даже в *словах* – сказал бы, если бы другие без слов могли понимать ее. Вам тяжело, милый мой Александр Александрович, тяжело физически, но – иногда приходит мне в голову: не все ли прекрасное есть молитва от демона земли или вопль страдающих в когтях этого демона? Гете говорил, что он сошел бы с ума, если бы не написал «Фауста». Какая задача для решения! Мне думается, мне мечтается, что Бестужеву не суждено погибнуть за Кавказом, что ударит час соединения его со мною, что минута мира возвратит его нам. – Ах! Я готов бы молиться не только богу, но, как Гальба[99], искать алтарей новых богед и их утруждать моею мольбою! До тех пор, ради всего великого и прекрасного, храните себя – вы сами храните, а бог не погубит безвременно ни такой души, ни такой головы. Знаете ли, что все узнают каждую вашу строчку? Западает ли она в болото «Тифлисских ведомостей», садят ее в помещичий огород Греча[100] или является она в «Телеграфе» – все равно: она узнана и

оценена! Вот тут-то и является в каждом нечто божественное. Ведь есть же нечто, ска- зывающее другим: «Это гений Бестужева!» Ваш «Белозор» [101] – прелесть неоценимая. Никогда Ирвинг[102] не казался мне так спел и сочен. «Ужасное гаданье» [103] – создание глубокое и высокопоэтическое. Еще не при- нимался я за «Аммалата-Бея» [104] – для чего? Берегу, когда мне будет или слишком тяжело, или очень хорошо. Тогда или украшу им час скорьби, или увеличу им минуту радости. Так читаю я Шекспира и Байрона. И вы упомина- ете о пересылке «Аммалат-Бея» к Гречу? По- слушайте, – это было в последний раз и в пер- вый – и более никогда уже я от вас я этого не услышу? Не правда ли? Если бы можно было, я не позволил бы в страницах Греча являться ни одной букве Марлинского.

Но на сей раз довольно. Читайте, судите меня, браните или хвалите. – Кто сам себе не отдает в себе отчета, перед кем загадка бытия запутывается тем более, чем более идет он по пути жизни, – чем тому оправдываться, что сказать...

Это письмо писал я к вам в три приема и

так буду отныне делать. Моя исповедь, биография, все, что пробегает в голове, решаюсь я отныне ежедневно записывать на листочки бумаги и эти записывания по прошествии каждой недели или двух посылать к вам – это будут мои *письма* к вам; иначе не могу, и вы будете по полугоду не получать ни одного слова. Сесть с тем, чтобы *писать письмо* к вам – я не в силах, я задохнусь на другой страничке...

Несколько хозяйственных слов. Все, что вы заказывали, было посылаемо и посылается к вам. Только патранцов или дудочек нельзя было заказать, потому что здесь все обязаны подпискою не делать ничего подобного без спроса правительства – следственно: игра не стоила свеч. И еще помню, что не послана доныне материя на какое-то черкесское одеяние. Вы забыли написать, сколько аршин ее надобно, а по названию никто не мог здесь растолковать, что это: куртка или огромный халат.

Пишите, заказывайте – все исполнено будет. Между тем я еще у вас в долгу и давно бы послал к вам мой долг, но – как это сделать?

Можно ли по обыкновенному вашему адресу? Боюсь повредить вам даже и неумышленным поступком. Уведомьте.

Посылаем вам при сем «Notre Dame de Paris» [105] В. Гюго – произведение, изумившее Францию. В два месяца вышло этой книги шесть или семь изданий. Не предупреждаю суда вашего и потом скажу мое мнение.

Кланяйтесь Ивану Петровичу[106]. Ему собственно отдельная книга.

Ваш всегда Н. Полевой.

По 25-е сентября 1831 г. Москва.

**16. Е. А. Бестужевой[107][108]
23 января 1833 г. Москва**

Милостивая государыня Елена Александровна!

Спешу отвечать на письмо, которым почтили вы меня от 14-го января, и благодарить вас за присылку экземпляра сочинений брата вашего. Напрасно только вы говорили мне как литератору и журналисту: когда речь о *Марлинском*, все сии отношения в сторону и прошу вас относиться к душе моей и к моему сердцу: тут его место как литератора и человека. После сего, если я и не имею чести быть вам лично известным, вы можете поверить, что я готов сделать все, что только будет полезным для вашего брата и что состоит в моих силах и возможности.

Совсем не знал я, что печатание и издание производится вами[109]. Я полагал, что распоряжение всем этим принял на себя Н. И. Греч. Если бы мне прежде было это известно, то я осмелился бы предложить вам мои советы, которые послужили бы к совершенству кни-

ги. Так, например, можно бы поместить в ней еще несколько статей: письмо о Кавказской стене, о битвах с Казы-Муллою[110], статью, бывшую в «Живописце», и перепечатать «Поездку в Ревель». Впрочем, и в настоящем виде книга составляет истинную драгоценность, равной которой не скоро дождется русская публика. Посему думаю я, что, несмотря на притеснения господ книгопродавцев, издание у вас не залежится. Несмотря на сие, позвольте мне вам посоветовать, что, если книгопродавцы соглашаются взять у вас все издание оптом, с некоторою уступкою, примерно 30 %, то вам лучше отдать им. В таком случае они не только вредить не будут, но употребят со своей стороны все средства сбыть скорее и чрез то доставить способы печатать вновь. Если сочинения Булгарина печатались два-три раза – я откажусь писать и готов поломать чернильницу и разбить ее, если Марлинский не выдержит трех изданий. Злонамеренность и благонамеренность журналиста, мне кажется, бессильны перед дарованием, столь сильным, прекрасным и поставленным при том судьбою в особенные обстоятельства. По-

верьте, что глупого и пристрастного суждения, какое изъявил г-н Воейков[111] в своем «Инвалиде», никто не может читать без смеха и негодования. В «Телеграфе» будет посвящена Марлинскому большая отдельная статья [112]. Между тем, мне желательно б было сделаться немного хотя полезным в самой продаже. Не угодно ли будет вам выслать экземпляров сто или двести для сбыта по комиссии при конторе «Телеграфа» в Москве? За продажу их никакой – комиссионной – платы взять я не согласен, а деньги будут доставляться из конторы по мере выручки, куда вы укажете их высылать. Если вам будет угодно на сие согласиться, то благоволите немедленно отправить экземпляры через контору дилижансовых транспортов на имя мое, в Москве, в контору «Телеграфа».

Заняв почти все письмо деловыми расчетами и предположениями, позвольте мне хотя окончить его уверением снова в постоянстве чувства моего к братцу вашему. Предоставляю времени оправдать слова свои в глазах ваших. Братец ваш, я уверен в этом, во мне не сомневается и хорошо меня знает.

С истинным, глубоким почтением и совершенною преданностию честь имею пребыть вам, милостивая государыня, покорнейший слуга

Николай Полевой.

Января 23 дня, 1833 года. Москва.

17. В. К. Карлгофу[113][114] *10 марта 1833 г. Москва*

Марта 10 дня 1833 г. Москва.

Милостивый государь Вильгельм Карлович!

Если бы вы приехали теперь в Москву и пришли ко мне, то застали бы все точно так, как было прежде. Блажен народ, которого историю читать скучно. Оборотя эту фразу, можно применить ее к семейственной жизни, и однообразие в жизни семьянина есть порука, что ему хорошо.

Я печатаю теперь IV-й том «Истории»; готовил с братом остальные номера «Телеграфа» за прошедший и 4-ю и 3-ю книжку за нынешний год. Скоро начну печатать новый роман свой (опять под благочестивым названием: «Суд божий» [115]). Последняя часть «Клятвы на гробе господнем» отпечатана. Еще думаю выдать собрание старых и новых повестей своих, под титулом «Мечта и жизнь» (одну из новых, может быть, вы прочитали) в 1-м и 2-м

номере «Телеграфа» за сей год: «Блаженство безумия». Другую помещу в 6-м и 7-м под названием «Художник» [116]. Если только не умру, то издам в нынешнем году «Истории» IV, V и VI-й томы. Шестой оканчивается восшествием на престол Годунова. Из всего этого можете судить, как я занят. Чего другого, а в недостатке трудоспособности меня упрекнуть нельзя.

Что-то вы поделываете? «Новоселье» [117] (нрзб.) Петербург, прекрасно для одного, двух издателей; но, признаюсь, от целого собрания русского Парнаса я ожидал более. С чего Жуковский лезет в русскую кожу? Для чего Пушкин так фигурит, чтобы сказать вздор? Брамбеус уморителен, но он забыл, что лежачего не бьют и что ему не годится тыкать черта а posteriori [118] – это гадко! Одоевский слишком перехитрил. Всего лучше понравился мне Греч своими «Воспоминаниями». Из воспоминаний Шишкова я узнал, что Екатерина писала дурные стихи. Жаль! – Кстати, кто-то обещал мне стихи (к Алексееву, помнится) и отдал их другому...

Простите болтливость: ведь я журналист и

притом самый старший после Греча. Но я всегда буду нов в чувстве совершенной преданности, с какою есть и буду ваш усердный

Н. Полевой.

18. В. К. Карлгофу[119]

17 мая 1833 г. Москва

Москва. 1833. Мая 17 дня.

Вы меня порадовали известием о Кукольнике[120]. Верю вам, восхищаюсь наперед, если он оказывает такой необыкновенный талант; но совсем не помню, что он печатал до сих пор и где? Если он удерживался еще и печатать, это один из признаков дарования сильного, надежного на себя, недовольного собою, а недовольство собою есть ручательство хорошего. Прошу вас поручить меня знакомству истинного поэта. В обмен за известие о Кукольнике скажу вам нечто смешное. Здесь также проявился было гений, некто Бахтурин[121]. Дамы, а многие и кроме, были от него в восторге. Мой любезный увлекающийся всем прекрасным Вельтман[122] жестоко спорил со мною. Наконец – тиснул одну поэму Бахтурина, и я поохотал над Вельтманом, когда он с изумлением говорил: «Да он и грамоты русской не знает!»

На днях получил я Языкова[123] и прочи-

тал его в три присеста от доски до доски, нарочно, чтобы дать себе полный отчет (статью об нем в «Телеграфе» писал мой брат). Знаете ли, что Языков навел на меня грусть? Да, грусть именно! Можно ли с таким языком, с такими формами стиха соединять такую бессмыслицу, такую пошлость содержания! Стих у него чудный – содержание, душа стиха – мышья, точно мышинным огнем согретая!

Еще более досады принес мне Одоевский. Этого я хорошо знаю, знаю, что он человек с залогом прекрасным; но – боже! что это такое «Пестрые сказки» [124]? Камер-юнкер хочет подражать Гофману, и подражает ему еще не прямо, а на жаненовский манер [125], и не забывает притом, что он аристократ и камер-юнкер. Это сбор мельчайших претензий на остроумие, философию, оригинальность. Чудаки! Не смеют не сделать в условный день визита и пижут а la Hoffmann! Надобно быть поэтом, сойти с ума и быть гением, трепетать самому того, что пишешь, растерзать свою душу и напиваться допьяна вином, в которое каплет кровь из души, – тогда будешь Гофманом! Ради бога, если Кукольник ваш таков,

как вы пишете, оживите нам душу его созданиями Я истомился на пустоцветах русской литературы, в духе этого концерта аматёров, которые разыгрывают чужие пьесы в пользу бедных. Сколько раз бывал я обманут ожиданием! Подолинский[126], Козлов, Шевырев, Языков, Алексеев, Шишков, Погодин, etc, etc, такой обещал быть тем, другой другим, и ни один из них не сдержал своего обещания. У одних литература есть средство интриги (Погодин), у других – мимоходом занятие от скуки (таких сотни), иные слишком перемудрили (Шевырев, Одоевский), иные выпарились в звуках (Подолинский etc.). Я сам, однако ж, испугался теперь сердитого тона моего, впрочем, с вами неискренность почел бы я грехом, любя и уважая вас как человека еще более, нежели как литератора. Кстати о литераторах: в No 8-м, который печатается, я написал статью о ваших «Повестях» [127], хвалю и браню, положа руку на сердце, а на это вы можете положиться, как и быть уверенным в неизменности к вам бранчливого, но любящего вас

Полевого.

P. S. Хотите ли знать идею рецензии моей на ваши «Повести»? Вот она: человек с неподдельным поэтическим дарованием, которому недосуг писать и уединяться в свою душу. Так ли? Скажем откровенно.

**19. Н. Ф. Полевой[128][129]
29 марта 1834 г. Петербург**

Едва приехал я, как и спешу успокоить тебя. Милый друг Наташа, что я добрался до Петербурга, хоть с отколоченными ребрами от почтовых тележек и от прегадкой дороги, но здоров совершенно и спокоен, как будто эти строки пишу в своем кабинете и хочу для шутки переслать их тебе с Сергеем[130]. Прошу тебя, милый друг, заплатить мне таким же спокойствием души за исполнение просьбы твоей: беречь себя. Не воображай себе ни дороги моей каким-нибудь волоченьем негодя под стражею, ни теперешнего моего пребывания чем-нибудь вроде романической тюрьмы: мой голубой проводник[131] был добрый хохол и усердно услуживал мне. Сидели мы, правда, рядом, зато рабочие инвалиды по московскому шоссе снимали перед нашею тележкой шапки, что меня забавляло чрезвычайно. Теперь я пока живу в светлой, не очень красивой, но комнате, и мне дали бумаги и перьев – буду оканчивать «Аббадонну»

или напишу, может быть, преподавательную книгу нравственных размышлений о суете мира etc. etc.

Брату отдельно не пишу; покажи ему это письмо, почему я и прибавил в нем, что, где бы я ни был и что бы я ни был, – в душе моей вечно будет он, мой единственный друг.

О деле я ничего еще не могу сказать, ибо граф Александр Христофорович[132] только сказал мне, чтобы я отдыхал с дороги. – Крепкий верую, крепкий своею правотою и совестью, я не боюсь ничего и даже в эту минуту не променяюсь с многими, которые сегодня спокойно встали с постелей и поскачут по Петербургу в богатых экипажах.

Мое благословение всем детишкам: Вольдемару, Наполеону, Лизе, Наташе, Анете, Сергею и – мерзавцу нашему Алексею, (нрзб.) поцеловать ручку, а Немочке нашей[133], если можно, розовую ее щечку. Но одно из главных, милый друг: мерзавца Алексея зацеловать так, чтобы он заплакал. Всем, кого не испугало и не отогнало от тебя и брата нечаянное мое путешествие, – поклон.

Твой всегда Николай.

29 марта 1834 года. С. – Петербург

**20. В. Г. Белинскому[134]
26 апреля 1835 г. Москва**

Милостивый государь Виссарион Григорьевич!

Поверьте, что от искреннего сердца благодарил я вас, читая ваше письмо, благодарил и за то, что ваша *благосклонная рука потрепала лавры старика*[135]. Чувствую, как сильно устарел я, но все еще кипит сердце на дело правды, и если я могу только чем быть полезным – готов служить вам. Дайте только мне еще немного отдохнуть от болезней душевных и телесных. Повторяю благодарность мою за ваш приятный подарок, и верьте, что я есмь и буду с совершенным почтением ваш, милостивого государя, покорнейший слуга
Н. Полевой.

Апреля 26 дня 1835 г. Москва.

**21. В. Г. Белинскому[136]
19 сентября 1835 г. Москва**

Милостивый государь Виссарион Григорьевич!

Беда не велика[137], только бы годилось вам. Касательно двух других предметов, приятель мой оба начал их[138], но – повремените немного. Столько хлопот и занятий. Как нарочно, все болен, и ко всему прочему другому прибавилась неожиданная деятельность Мануфактурного Отделения, где теперь новый начальник, граф С. Г. Строганов[139]. Он хочет соединить просвещение с промышленностью. Как отказаться от ласкового приветия? Посмотрим и между тем не забудем и того, что обещано, только повремените маленько.

С истинным почтением и совершенною преданностью есмь и пребуду ваш, милостивого государя, покорнейший слуга
Н. Полевой.

19 сентября 835 г.

22. А. И. Герцену[140] 25 февраля 1836 г. Москва

Милостивый государь Александр Иванович!

Зная, как всегда любил и уважал я вас, вы поверите искренности слов моих, когда я скажу, что сердечно обрадовался, получив письмо ваше. Добрая весть эта была подарком для меня. Слава богу, что вы уцелели, что вы не упали духом, что вы продолжаете занятия ваши, что можно иногда перекликнуться с вами. Бодрствуйте, любезнейший Александр Иванович! Время драгоценнейшее лекарство на все. Будем опять вместе[141], будем опять философствовать, с тою же бескорыстною любовью к человечеству, с какою философствовали некогда. Наперед всего, вы простите меня и не причтите мне в вину долговременное медление мое отвечать на уведомление ваше. Причиною была полуожиданная-полунечаянная поездка моя в Петербург, отнявшая у меня почти месяц, а потом тма мелких забот и нездоровье мое по возвращении; не поверите,

сколько различных досад и неприятностей перенес я с тех пор, как мы не виделись, моральных и физических. Москва так надоела мне, что, может быть, я решусь совершенно оставить ее; по крайней мере, нынешнее лето, с июля месяца, я проживу в Петербурге. Если уж надобно, неволя велит продолжать мне мою деятельность, то надобно продолжить ее в Петербурге, который, как молодой красавец, растет и *величится* на счет Москвы, стареющей и дряхлеющей во всех отношениях. – Но что в будущем – ведомо только богу, а пока я в Москве, прошу вас писать ко мне, когда вздумаете и что вздумаете. Мне приятно сделаться и посредником вашим с журналами и публикою, если вы захотите входить в какие-нибудь с ними сношения. Статью вашу о *Гофмане*[142] я получил. Мне кажется, вы судите об нем хорошо и верно, но если вы хотите дать публичность этой статье, то примите мой дружеский совет: ее надобно подправить в слог, весьма небрежном, и необходимо, прежде цензуры, исключить некоторые выражения. Кроме того, что без этих поправок статья может навлечь на вас неприятности, по-

ложим, хоть *журнальные*, спрашиваю: к чему эти выражения? Дело в деле, а не в них. Если вы доверите мне, я охотно приму на себя обязанность продержат над статью вашу политическо-литературную корректуру и потом отдать ее в какой угодно журнал. Без вашего позволения приступить ни к чему не смею и, право, не советую без поправок посылать другому. Верьте, что я желаю вам всякого добра, как родному, уверенный притом, что настоящее положение ваше продолжаться долго не может, если вы будете сколько возможно осторожнее во всех отношениях. Верю, что вы можете быть в состоянии оскорбленного и раздраженного человека, но кто из нас переходил путь жизни без горя и без страданий? Слава богу, если они постигают нас тяжелым опытом в юности. А как изменяются потом в глазах наших взгляды и отношения на все нас окружающее. – Великий боже! я сам испытывал и испытываю все это, а мне только еще *сорок лет*. Расстояние между мнениями и понятиями 20-ти и 40-летнего человека делит бездна.

Братец ваш[143] рассказывал мне, что вы

принялись за географию, за статистику[144] – дело доброе! Жаль, что по исторической части сторона ваша совершенно бесплодная. Об ней можно сказать одно: жили, а кто жил и зачем жил, бог весть. Впрочем, если бы что открылось любопытное, пожалуйста, сообщите мне. Русская история сделалась моею страстью. Я охотно готов сообщить вам исторической пыли сколько хотите. История теперь и кстати. Кажется, что вся литература наша сбивается на задние числа.

Адрес мой теперь: *в Москве, под Новинским, в Кудрине, в приходе Девяти Мучеников, в доме Сафронова*. Буду ждать писем ваших, и в ожидании всегда сохраняю к вам чувства совершенного почтения и преданности, с которыми был и есмь ваш усердный и преданный

Н. Полевой

25 февраля 1836 г. Москва.

23. В. Г. Белинскому[145] Конец января 1837 г. Москва

Прилагаю все желаемое при сем, любезнейший Виссарион Григорьевич, только *Вронченки*[146] нет – черт знает, куда задевалась – у меня был экземпляр, я точно помню, но, верно, кому-нибудь отдал и забыл, что со мной непрерывно случается. Думаю, впрочем, что у Н. Н. Глазунова[147] или где-нибудь достать можно. Пошлите к *почтеннейшему* нашему (Ратькову[148]). Он достанет тотчас. Скажите, что я прошу его с моей стороны и что это очень нужно. А лучше напишите записочку к брату Ксенофонту[149] об этом, чтобы достать.

Сегодня был у меня англичанин Бенкс. Он в восторге от Мочалова и говорит, что удивительно игра его походит на Кинову[150], которого он видал в Лондоне. Есть же сочувствие между душами? Мочалов как угадал игру Кинова? Это любопытно.

Ваш Н. П.

**24. О. И. Сенковскому[151]
[152]**

8 февраля 1837 г. Москва.

8 февраля 1837. Москва.

В субботу вечером, третьего дня, получил я письмо ваше, от 1-го февраля. Вчера воскресенье, и отвечать я не мог. Спешу теперь уведомить вас, любезнейший Осип Иванович, об этом и о том, что если бы я ненавидел вас, то помирился бы с вами и полюбил от последнего письма. Оно делает честь человечеству, оно прекрасно, оно излилось из сердца, и вы приобрели на меня великие права этим письмом. Из души, чуждой доброму и прекрасному, такие слова не вылетают. Вы возлагаете на меня тяжелую обязанность – написать о Пушкине[153]. Мы пишем хорошо, когда искренние чувства уже укладутся в глубине души, тяготят ее там и требуют исхода. Но пока они безотчетно тревожат нас, – работе еще не время, и человек тогда молчит. Таково мое положение теперь в отношении к покойному поэту. Смерть его поразила меня. Давно не

плакал я так горько, как услышавши об его смерти. Ваше письмо умножило грусть мою. Но – я хочу писать и исполню ваше требование, как смогу; точно – писать надобно, как умеем, как сможем, но – писать надобно. Немедленно принимаюсь я и тотчас пошлю к вам, что напишется. Рассмотрите присланное и, если оно будет годиться, напечатайте, а не то, ради бога! в печь и только. Будьте здоровы и веселы и верьте истинному уважению и преданности, с какими есмь и пребуду ваш усердный

Н. Полевой.

25. К. А. Полевому[154]

20 декабря 1837 г. Петербург

С. – Петербург, 1-го января 1838 г. (20-го декабря 1837 г.).

Опять *месяц* безмолвствовал я и пропустил все назначенные между нами сроки, мой добрый брат и друг Ксенофонт, – безмолвствовал, получивши даже и твое милое письмо от 6-го (11-го) декабря. Мне стыдно было бы *извиняться* перед тобою, – это значило бы унижать тебя и себя и дружбу нашу, переходящую пошлые пределы *приличий*. Но я могу показаться неизвинимым перед сердцем твоим при мысли, что я могу существовать и жить отдельно от тебя, не делясь с тобою душою и сердцем – этого ты не подумаешь, я уверен, а если бы подумал – мне это было бы горько! Ты умнее меня, но сердце твое я знаю лучше тебя самого – спроси в таком случае у него, а не у холодного ума-обвинителя, часто клеветующего на жизнь и душу человека.

Надобно было давно писать к тебе, отполнить немного от моего сердца – ему тогда ста-

новится легче, но... из следующих за сим описаний ты увидишь, что я не мог передать тебе ничего, кроме грусти моей, и если бы, высказавши тебе, я и почувствовал себя легче – зачем разделять с тобой темные стороны жизни? У тебя и своих довольно...

Не знаю с чего, но мне кажется, что с «сегодня» – новый год (с которым усердно тебя поздравляю), и в моей судьбе сделался какой-то перелом к лучшему. Ничего и нисколько особенного – но мне так сдается что-то. *Первый* еще день проснулся я с какой-то безотчетной отрадой в душе, и *первая* мысль была: «Писать к Ксенофону!» – Решено, и вот тебе послание, которое, думаю, будет длинновато. Есть у сердец свое тайное сочувствие. Декабря 6-го я принялся писать к тебе, не мог *не писать* и – изорвал целый исписанный мною лист... на него капнуло несколько слез!.. Зачем было посылать их в Москву к тебе? Пусть они высохнут здесь!..

«Неужели же, брат, – скажешь ты, – тебе не было радостного дня во все это время, пока ты не писал ко мне?» – Да, клянусь богом, да – ни *одного* дня, который отметить бы в календа-

ре! – «Зачем же скакал ты в Петербург? чего искал ты? Не раскаиваешься ли, что уехал туда?» – Нет, не раскаиваюсь! Переселение в Петербург[155] было следствием продолжительного обдумывания и решительности на все! Я знал, что будет тяжело, тяжело, но, смотри сам, что было *первоначальной* причиной мысли о *побеге* из Москвы – ты *знаешь* и согласишься, что меня *ничто* не могло спасти от моего несчастья, от этого проклятия, наложенного *судьбою* на жизнь мою, от огня, сжигавшего меня медленно и страшно, – ничто, кроме *побега*? Бежать, задушить себя работою, трудом, уединением... Разумеется; что от этого лекарства умереть можно (да, кажется, этим дело и кончится, и – слава богу!), но, по крайней мере, я умру в бою с жизнью, не теряя достоинства человека, стараясь еще быть, сколько могу, полезным моему семейству, моему отечеству, людям, может быть... Воздух Москвы был тлетворен для меня, губил меня, жег меня... Итак... *бежать!*[156] С этим соединялась другая мысль: здесь мог я употребить последние средства спасти себя от *стариков* [157] – другого убийства жизни моей, а там, в

Москве, я не видел к этому средств. Работать и видеть, как бесплодно гибнет труд и время, менять векселя на векселя... Труд мой, который я принимаю на себя здесь [158], едва выносим, но я вижу, по крайней мере, цель его, вижу, что, поработавши два-три года, я буду *чист со стариками* и детям оставлю кусок настоящего хлеба... Ну, мой суровый Ксенофонт, – суди и говори: *Надобно ли* мне было ехать в Петербург? – Да? не правда ли?

Ты видишь, что я разбираю себя, как анатомист разбирает труп человеческий; а я точно *труп* – жить перестал я давно, отрицательное бытие мое, польза и счастие детей – это уже не принадлежит к *моей* жизни. Ведь жизнь-то значит счастье и наслаждение, а я откупорил стеклянку с этим небесным газом – он вылетел, и теперь, как ни запирай эту драгоценную стекляночку, – она пуста! Остается улыбнуться и ждать, когда судьбе будет угодно разбить ее... Все это ты понимал и знаешь, хоть я не имел сил говорить с тобою об этом так обстоятельно; но *написать*, теперь, собрал силы... хорошо.

Итак, если переезд в Петербург был реше-

нием в жизни, *необходимостью*, отчего же грустить и хныкать? Я не грущу и не хныкаю перед другими. Мое семейство видит меня всегда веселым, люди – задумчивым иногда, но никому я не жалуясь, работаю, как только могу и умею, а иное дело с тобою говорить – ты *один*, которому могу, должен сказать все, что сказал я тебе здесь. И тебе, раз сказавши, я уже не *повторю* этого более никогда. От тебя не скрою и того, что до *сегодня* жизнь моя в Петербурге была непрерывным страданием и гораздо тяжелее московской жизни... Причины? Прежде всего – *разлука с тобой*, мысль, что эта разлука уже *навсегда*, что даже могилы наши станут розно, и в мой последний час я не протяну к тебе руки, не обращу на тебя взора, когда ты у меня *один* в мире... Тяжело!! А потом решимость на разлуку *такую же с тем*, кто принудил меня бежать, и разлука с ним... Если люди умирают два раза, то я уже испытал один раз томления смерти... От этих *двух ран* язвы останутся навсегда неисцельны, но до сих пор из них точилась горячая, свежая кровь. Далее, не ожидал я, признаться, чтобы переезд мой сопровождал-

ся такими *случайными* неприятностями. Как нарочно, тут все скопилось: болезнь и смерть бедной немочки[159], болезнь старухи[160], расстройство и горе в семействе. Вообрази, что мы еще отпевали мертвеца: *Матрена*, эта толстая добрая женщина, правая рука по хозяйству в семействе нашем, к которой все мы так привыкли, умерла на днях. Неправда ли, что, как нарочно, одно за другим? Но, после моего письма к тебе, главнейшую неприятность составили мне мои *политические*, так сказать, обстоятельства – этот холодный, суровый ответ от графа Александра Христофоровича[161]. Признаюсь, что сначала это меня как громом поразило! К. чему же было ласкать меня, лелеять посулами? И неужели не уверились еще во мне, не видели моей искренности, не поняли меня и хотят терзать даже после такого письма, какое посылал я к графу в Москву? Ехать в Москву самому, просить, объясняться – это было невозможно, невозможно всячески, даже потому, что бесплодная издержка 500 рублей, при теперешней моей нужде, была бы мне чувствительна. И между тем затягивать Смирдина и обшир-

ное его предприятие, когда все оно основывалось на *мне* и на *моем имени*, и мысль, что отказ может действовать на отношения ко мне Греча и Булгарина, может положить в их глазах темную на меня тень и действительно вредить им... Я боялся эгоизма Греча, поляцизма Булгарина, трусости Смирдина... И обо всем этом столько говорили, а главное: с разрушением этого разрушалась вся моя надежда в будущем, мечта о спасении от *стариков*, мечта о том, что можно еще сделать много *хорошего*, и я становился оплеван перед всеми, выехав на берега Невы, опять писать на заказ романы[162] и переводить Дюмон-Дюрвилей [163], биться из куска хлеба... Согласись, что мое положение было, если не ужасно, то неприятно и прискорбно в высшей степени! Надобно было решиться – я отправился к Гречу, Булгарину, Смирдину, сказал им все – вероятно, *говорил, как Цицерон*[164], говорил сильно и искренно. Нет! все могут быть людьми: Булгарин расплакался, Греч обнял меня, Смирдин сказал, что меня с ним ничто не разлучит. Все мы подали друг другу руки и, благословясь, подписали наши условия. Но

уже тем более мне надобно было после этого налечь на работу, ибо умолчание имени моего значило 20% долой, а бедный мой Смирдин шутил в плохую шутку, рискуя на предприятие в сотни тысяч: бюджет «Пчелы» составляет 150 000, а «Сына отечества» 50 000 рублей, когда теперь «Пчелы» расходуется только 2500 экземпляров, а «Сына отечества» – смешно сказать – 279 экземпляров! Но *to be or not to be*[165]. По крайней мере, теперь мое положение обозначилось и определилось. Я понял так, что мне надобно как можно не выказываться, не лезть в глаза, стараться, чтобы увидели и удостоверились в моей правоте, чистоте моих намерений. Жить, дышать и работать мне не мешают – чего ж более? Надежда на бога, на чистую совесть и на труд. И вот теперь, во-первых, засел я в мою конуру, сам никуда не бросаюсь, рад, кто придет, но никого к себе *гостить* не зову, никого у себя *не собираю*, являюсь в литературные общества тихо, скромно, вежливо. Во-вторых – *работаю*. Сплю я теперь не более *пяти* часов в сутки. Что есть что поделать – ты сам понимаешь. Что только надобно прочитать, что обдумать

и что написать – голова идет кругом, когда вообразишь... Чтобы закончить тебе описание вещественного моего положения, скажу так: житье у меня хорошо, дом прекрасный, кабинет прелестный, по моему вкусу; семейные грусти утишаются – жена моя теперь спокойнее; есть еще нужда в деньгах, ибо ты сам видел, что прежде всего надобно было бросить в пасть *старикам* 15 000 рублей, а переезд, обзаведение, etc., etc. пожирают до сих пор кучу денег – но все-таки у меня житье, как было в Москве... Это все улаживается. Дети переносят переселение, слава богу, хорошо. Ужасная погода во все это время не оказала и надомною большого действия. Надежды на вещественное улучшение моего быта, кажется, несомнительны – подписка здесь идет хорошо, публика *ждет и говорит*, хоть моего имени нет... Увидим, увидим, что будет, а между тем ты, конечно, пожелаешь знать, что же мы и как готовим? Извольте, любезнейший судия, слушайте и судите:

Уваров[166] и еще кое-кто (к чести человечества *немногие!*) торжествовали, когда получен был отказ из Москвы. Если верить Булга-

рину (порядочному лжецу), Уваров сказал ему: «Вы не знаете Полевого: если он напишет „Отче наш“, то и это будет возмутительно!» Почему и отчего дает он мне *une celebre si cruelle*[167] – особый вопрос, но, кроме строжайшего приказа смотреть за каждой моей строчкой, он сам читал, марал, держал нашу программу, так что мы умоляли его только отпустить душу на покаяние, и вот почему программа вышла нелепа. Но ведь говорить дело Уваров запретить не может, когда мои намерения чисты? Дать всему жизнь неужели нельзя? Материалов бездна. Мы выписываем около 40 журналов и газет. И вот «Пчела» будет вполовину более форматом, на хорошей бумаге. Третий лист отделяется на фельетон, сверху три первые колонны – внутренние известия, три потом – политика, один столбец далее – русская библиография, один – иностранная библиография, и четыре – на *статьи*. Фельетон внизу – театр и потом всякая всячина, а треть трех столбцов сзади – объявления, как в «Journal des Debats». Форма европейская – поколику то можно. О содержании что говорить? Что бог даст – для газеты

нет запаса. Что *только позволят*, то все будет передано, и надобно только, чтобы все кипело новостью. Надзор мой полный – ни одна статья не пройдет без меня, кроме вранья Булгарина, но постараюсь, чтобы ему чаще садился на язык типун. Вот человек! Греч и я умоляем: «Пиши меньше», но он хорохорится и безжалостно пишет. Библиография будет моя, скромная, но дельная. *Статьям* надо придать колорит *шалевский*[168] и *жаненовский*[169]. «Сын отечества» будет в формате «Библиотеки» и толще ее. Тут всего важнее критика: Хочу принять благородный, скромный тон, говорить только о деле. В науках и искусствах больше *исторического и практического*. Русской словесности – что бог даст – стану покупать, хоть и не знаю у кого? Иностранной словесности – богатство, и я тону в нем. Первая книжка «Сын отечества» явится 1-го января, почти в 30 листов. После стихов я бухнул в нее мое начало «Истории Петра Великого» [170], затем статьи Греча, Булгарина, Одоевского, две повести – Ж. Занд и Жакоба (библиофила)[171] – премилые. Статьи сухие: о Минине[172], журнал Сапеги, посольство Ба-

тория; статья Ротчева[173] – очень дельная, о Ситхе; критика Сент-Бева[174] (Делиль[175] и его сочинения) – прелесть! Критика моя будет на книгу Менделя; обзор литературы за 1837 год – тут я объявляю свою отдельность от Брамбеуса и независимость мнений моих, говорю истины всем! В заключение – политика или современная история – довольно плохо, однако ж любопытно.

Ну, что скажешь? Рассуди сам: *когда* успел я все это сделать и, главное, – кем? Ведь взяться не за кого – строки дать перевести некому. Что ни дашь сделать, все должен переработать сам. Корректуру держит последнюю Греч, и он истинно великий мастер, и даже ты перед ним ничто. Говорить с ним о грамматике – для меня наслаждение! Теперь тут же шлепнутся о смирдинский прилавок в *один день*[176] и «Сын отечества», и «Библиотека для чтения». Неужели не увидят разницы в языке, тоне, системе, критике? Там – бесстыдство и кабак, здесь – человеческий язык и ум, скромный, но верный всему доброму и прекрасному. Жду решения, боюсь и надеюсь. Ради бога, я поспешу тебе послать 1-ю книж-

ку, а ты мне немедленно и как можно скорее напиши потом беспристрастно свое мнение. Говори, как посторонний, и говори правду, как она жестка ни будет; даже скажи о самом наружном виде, в котором стараюсь я быть опрятным. О «Пчеле» тоже говори истину. Твоего приговора буду ждать, как голодный кусок хлеба.

Теперь надобно бы потолковать о том, что можешь ты сделать для меня, как брат и друг и как человек, которому надобно дать речь в божьем мире (а кстати, можно и заработать: ведь ты работаешь же?). Об этом я много думал и все еще не решил, а главное – рука моя устала писать, и, так много еще надобно бы говорить тебе, что на сей раз Я не соберу мыслей. До января надеюсь еще писать тебе и о делах будет надобно поговорить – об этой мерзости! И описать тебе характеристику людей, с которыми живу и которых вижу. Это все *отдельно*. Но вот еще теперь необходимое. 1-е: к Мочалову я писал и послал на твое имя рукопись «Уголино» [177]. Из цензуры он на днях выйдет. Ольдекоп [178] не находит затруднения и только уверяет, что это перевод

и что он даже читал его по-немецки! Следовательно, нет никакого сомнения Мочалову списывать роли, ставить и учить «Уголино». Здесь все это деятельно делают, ибо Каратыгин[179] ухватился за «Уголино» руками и ногами и в конце января даст его в свой бенефис. Если Мочалов решится (процензурованный список перешлетя к нему немедленно), то, сделай милость, прими на себя труд обратиться к себе Мочалова, Щепкина[180] и Орлова[181] и прочитай с ними вполне «Уголино». Это необходимо, чтобы им растолковать содержание пьесы; а по моему списку ты ведь можешь читать свободно. Если мой почерк затруднит в списывании ролей, то отдай переписать его «мошенникам» [182] и сам после того пересмотри список. От всего этого «Уголино» может тебе надоест, но будь снисходителен и добр. Уверь Мочалова (что и сущая правда), что я не мог скорее сделать и что если я не писал к нему, то не переставал и непрерываю его любить и на Каратыгина его не променяю (хотя, между нами, Каратыгин мне весьма нравится – художник с дарованием и умный, образованный плут). Мочалову греш-

но винить меня, если он знает все, что встретило меня в Петербурге.

2-е: скажи А. Н. Верстовскому, что каждый час отдыха моего посвящаю я теперь опере [183] и что к нему буду скоро писать подробно и обо многом любопытном.

3-е, важное обстоятельство: поговори с Белинским, к которому, если успею, напишу теперь письмо. Я получил его письма, но, ей-богу, ничего не могу теперь сделать! Первое – мое положение теперь и самого меня еще самое сомнительное. Надобно дать время всему укласться, и затягивать человека сюда, когда он притом такой неукладчивый (и довольно дорого себя ценит), было бы неосторожно всячески и даже по политическим отношениям. Второе – что он может *делать*, и уживемся ли мы с ним при большой разнице во многих мнениях и когда *начисто* ему поручить работы нельзя, при его плохом знании языка и языков и недостатке знаний и образованности? Все это нельзя ли искусно *объяснить*, уверив притом (что, клянусь богом, правда), что как человека я люблю его и рад делать для него, что только возможно. Но при объяс-

нениях щади чувствительность и самолюбие Белинского. Он достоин любви и уважения, и беда его одна – нелепость. Об исполнении всех этих поручений не замедли меня уведомить, ибо все это меня беспокоит.

Наконец, еще поручение: вероятно, ты пойдешь к Стефану Алексеевичу[184] 27 декабря, хоть ради моего напоминания, – отнеси ему мое письмо, а не то отошли его в этот именно день, поутру. Я поздравляю его с днем ангела, который проводили мы столько лет вместе. Пожалуйста, поди сам, ты его обрадуешь бог знает как, да ведь и собрание бывает драгоценное.

С душевным чувством читал я, как ты проводил день моих именин, этот печальный день, который всегда и *столько лет* бывали мы вместе с тобой... Нет! Я провел его здесь грустно, всем отказывал, кто приходил; обедал у нас только дядя Карл Иванович, но, сидя подле него, я читал тихонько: «Я пью один...» [185] и грустно переносился то к тебе, то к могиле матери и сына, почивших вместе, далеко от меня... У Греча, с смертью сына, пиры на именинах его прекратились, и он провел

день именин своих, в первый раз в жизни, один, запершись и со слезами, накануне прося не посещать его и не поздравлять. Потеря сына чуть было не убила его совсем и оставила в нем неизгладимое грустное впечатление.

Говорить ли тебе о несчастном событии пожара?[186] Зрелище было ужасное, и когда на другой день пришел я туда и вся эта громада предстала мне объятая пламенем – я невольно содрогнулся и прослезился! Весь главный корпус выгорел! Впрочем, почти все движимое успели спасти – драгоценности, бумаги, – но убыток и за тем миллионами считать надобно. Никакие усилия человеческие не могли затушить пожара.

Но довольно – давай руку и прощай. Не сердись за то, что я молчал? Тот ли же я в этой куче слов, которую посылаю тебе, каков был?.. В заключение становлюсь на колени перед твоею женою и целую ее ручки, целую Бетси, Колю и мою незабвенную, милую *Минну* – *Минну!* Благословляю вас на здоровье и веселье. Твой всегда и везде Николай.

26. В. Г. Белинскому[187] 22 декабря 1837 г. Петербург

С. – Петербург, декабря 22, 1837 г.

На немых не жалуются, что они не говорят, а я, собираясь, может быть, много говорить печатно, совсем *онемел письменно*, мой любезнейший друг Виссарион Григорьевич. Брат вам скажет, что только сегодня «устне мои разверзошася», и вот спешу отвечать и вам на ваши дружеские послания[188]. Брат может рассказать вам, что встретило меня в Петербурге. Словно напущенье: смерти, болезни, скорби, мерзкая погода, неприятности и затруднения по делам! Говорить не хотелось, писать не хотелось. Только усиленная работа спасает меня, но зато отнимает всю возможность думать о чем-нибудь другом и обрезывает время так, что свободной минуты не остается. Потому и теперь приступлю прямо к ответу на ваше дружеское предложение. Как бы рад я был сотруднику такому, как вы, но я просил брата откровенно рассказать вам мое *нынешнее* положение, и вы сами увидите,

что оно так скользко, безотчетно, связано отношениями, что завлекать вас надеждами, заставить переселиться сюда – значило бы взять на совесть, может быть, и невольный обман. Необходимо следует несколько погодить. Дайте мне немного поустроиться, оглядеться, утвердиться, и тогда будет все отчетливо и видно. Мысль моя теперь такая: если бы вы могли после Святой, весной, сюда приехать, поглядеть все сами, видеть здешний люд – это было бы всего лучше. Переезд можно вознаградить тремя днями работы. Хата у меня есть, и я приму вас с распростертыми объятиями, а не – иудинским лобзанием. К тому времени и мои обстоятельства будут уже утверждены. Да и надобно вам посмотреть на пресловутый Петербург, особливо, если вы имеете уже тайную мысль сюда переселиться. Верьте, что все, что только в силах я буду сделать – сделаю, и к сердцу готов прижать вас. Между тем надобно подумать, что можете вы сделать *пока* в Москве? Спросите сами себя, посоветуйтесь с моим добрым Ксенофонтом и напишите, *что и за что*, напишите просто и прямо. Главная трудность – писать в

Москве, не зная здешних отношений. По крайней мере, пусть все это докажет вам, что я истинно вас люблю и уважаю. Я и сам еще теперь не знаю, какой принять тон, какое выражение, и думаю только одно положить в основу: *не подличать*, елико можно, а все остальное предоставить решить времени. Смотрю, наблюдаю, кланяюсь скромно – что делать, если хотеть трудом принести какую-нибудь пользу ближним и не думать только о своем кармане! Петербург ужасный город в этом отношении! Мне, право, думается, что здесь вместо сердец бог вложил в тело каждого карман. В Москве есть еще какой-то бескорыстный идиотизм, но здесь ум звенит расчетом и расчет заменяет ум.

Вот что хотелось и должно было вам Сказать. Дайте руку и верьте моему сердцу, даже более моей головы.

Статьи вашей[189] я не видал и не получал. Где она?

«Уголино» мой, вероятно, уже приехал в Москву, и не знаю, успеет ли он по времени и возьмет ли его на бенефис наш урод[190], достойный того, чтобы обнимать и бить его в

одно время. Брат писал мне, что он уже отчаялся, но я не мог сделать скорее, и здесь не бояться запоздать, а ставят его с большою ревностью.

Мой поклон Василию Боткину[191].

Вчера долго думал я и наконец решил, что Шевырев[192] решительный идиот. Об этом уж не спорьте, а лучше верьте, что всегда неизменно любит вас преданный вам

Н. Полевой.

27. К. А. Полевому [193] 21 января 1838 г. Петербург

Есть в нашей бедной жизни, в жизни страдальца, отрада, мой милый друг и брат Ксенофонт, если мы страданием платим за то, что выдвигаемся немного из толпы, что отдаем здешние блага, удовлетворяющие стольких, за *что-то*, бог знает, такое, чего и изъяснить сами не можем! Есть такая отрада и есть часы такой отрады, когда толпа отдает нам справедливость за наше самопожертвование, когда она делается нашею рабою, чувствует свое ничтожество и невольно сознается, что в ней хранятся еще и всегда будут храниться искры божественного, которые выбиваются из нее, как искры из кремня огнивом. В эти мгновения забывает она все расчеты, все отношения, плачет, хохочет и награждает художника-страдальца. Такие минуты редки, такие награды драгоценны, и я испытал теперь такую минуту, получил такую награду. Ты понимаешь, что я хочу говорить тебе о представлении «Уголино». Для чего *тебя* не

было здесь? Для чего не было здесь... ты знаешь кого – я плакал бы с вами, разделился с вами сердцем и хоть на «мгновение узнал минуту радости, среди бездны зол, скорбей, тяжкого труда!» Теперь именно еще *не полно* мое наслаждение тем, что мне не с кем *делить* его. Если удовлетворен художник, то человек уныл, и тем грустнее ему. Но – ты и заочно со мною – спешу набросать тебе несколько несвязных слов. Читай и воображай, что это я лично говорю с тобою.

Успех «Уголино» моего был здесь неслышанный и неожиданный. Только 5-го января могли мы получить рукопись из цензуры, и тогда начались репетиции. Оставалось 12 дней, ибо положено было непременно дать его 17-го. В воскресенье был я на предпоследней пробе – шло несвязно, неудовлетворительно, *к я не струсил* потому только, что, ты знаешь, с каким горьким равнодушием смотрю я. на все, мною созданное, особенно теперь. Как нарочно, в понедельник был я окружен неприятностями, досадами – ну, *жизнью* – понимаешь! Вечером покатился наш *рыдван* к театру, и я заполз в ложу над бель-

этажем (от которого нарочно отказался, потому что явился в ложе точно так, как описывал Вильгельма в «Аббаддонне» [194]). С нами были дети, тетка, другая, Лиза, дядя, Далайка (?) с мужем etc. etc., потому что мне подарили две ложи). Театр был полон – добрый знак, ибо тогда было 25⁰ мороза, и Талиони[195] плясала на Большом театре, а при таких случаях все другие театры обыкновенно пусты. Я знал притом, что есть люди, пришедшие шикать, смеяться и много другого. И вот начинается, расшевеливается, пошло дело – гремят! После 1-го акта Каратыгин вызван; второй шумнее – вызывают в середине акта; третьим актом плачут, а с окончанием его – гром и шум! Четвертый кончается, и отовсюду крики: «Автора!» После пятого – новый вызов. Каратыгина вызывали раз восемь. Успех был полный; по городу заговорили, но все еще были толки и споры. *Бенефисная* публика – не публика: в бельэтаже торчали *бородки*[196], в креслах – студенческая кровь[197]. Назначили поскорее играть «Уголино», именно вчера, ибо его *требовал* голос публики. За билеты была драка, и я отправился уже в кресла и

один (с Петровым, который приехал жив и здоров), в сюртуке, запросто – хотел быть зрителем. Театр был набит битком – в креслах знатоки, в бельэтаже *бомонд*, в 1-м ярусе вдруг почти ни одной *бородки*. Каратыгин был утомлен еще прежнюю игрою за два дня; но он ожил – началось. Никогда (не я говорю это) не был он так хорош! Хлопанье было сначала умеренное, но не могу изобразить, что сделалось потом! Каждый стих был оценен, узнан, принят – и это в холодном *Петербурге*, от *бомонда*! Рукоплескания сыпались, но это ничего; Каратыгина вызывали после каждого акта – но и это еще ничего. Третий акт – всюду слезы: плакали дамы, мужчины, гвардейцы; иные вскакивали с мест с трепетом, и в конце третьего акта, как страшный вулкан лопнул: «Аврора!» – загремело с ревом, с криком, с дрожанием стен! Я принужден был выйти при оглушительном вопле. В четвертом акте, в пятом акте – то мертвое молчание, то бешеный гром хлопанья, то «браво», то слезы, и все будто забыли, что на сцене перед ними пустая выдумка. Говорили громко, что «Уголино» выше всего, и бог знает что; меня

обнимали, целовали, бежали за мной по коридорам; Каратыгину били, били; меня еще раз опять вызвали; молодежь пила за мое здоровье, и «Уголино» опять дают, кажется, в понедельник. Вот тебе описание этого любопытного вечера, а я, в заключение, признаюсь тебе, вовсе не понимаю причин этого неслыханного успеха? Вижу, чувствую все недостатки пьесы, и *когда*, и *как* она писана! Боже мой! если бы знали!. Или сцены высокой любви, суеты человеческой, чувства отца так доступны даже и этим людям, светским, избалованным, прихотливым, взыскательным? Не понимаю, ибо говорю тебе, что в театре был и так увлекся *Петербург*, и *высший* Петербург! Неужели, в самом деле, эта *Вероника*[198], эта *любовь*, это презрение к жизни, эта жизнь за гробом – куда давно уже перешел я душою, могут быть доступны всем? Всего же более удивляет меня, что *драма*, в *наше* время, может увлекать, как действительная жизнь, и то, что *религиозное* в «Уголино» все было принято с восторгом. Скажи, суди, реши и даже скажи еще: *продолжать* ли мне? Ты знаешь, что это не стоит мне никаких усилий; но

должно ли еще писать или *остановиться*, сознавая свое жалкое бессилие против великих образцов и не льстясь на успех, каким, право, и божусь богом, не знаю, за что меня теперь оглушили? Этого *решения* твоего на будущее буду ждать нетерпеливо, и вот тебе клятва: скажи ты «нет», и брошу мое драматическое перо! Ты – моя совесть, а я – что-то среднее между мертвецом и человеком живым. Ах! для чего тебя не было *вчера...*

Не присовокупляю ни одного слова о *делах, и прочее*. На этот раз – прочь *землю* – только *на этот раз!* Люди могут чувствовать все то, что моя Вероника, что Иино им высказывали, – порадуемся этому в эту минуту! Мое письмо должно прийти ко дню твоего ангела. Я думал, что бы послать тебе в подарок – посылаю вот это письмо, с поздравлением тебя с днем именин, с поклоном Лиллиньке – мильной и маман, с поцелуями батъке, Ичке (?) и Минне, Минне!

Я не писал к тебе о первом представлении «Уголино», потому что все еще, хотя успех был, да оставалось сомнение, и потому, что как гора лежала у меня на сердце: что *если*

Мочалову *не позволяют?* Вчера возвращаюсь домой и нахожу письмо от тебя и Загоскина [199]. Я вспрыгнул от радости и отдохнул. Благодарю тебя, и разумеется, что теперь обязанность моя прислать список поскорее, в чем будь уверен. Благодарю тебя вторично за хлопоты, милый Ксенофонт, и в день твоих именин жду уведомления, что «Уголино» сделает в Москве. Напиши, напиши и верь, что каждую минуту наслаждения с тобой только делю я вполне.

Твой Николай.

28. В. П. Боткину[200][201] 20 марта 1838 г. Петербург

С. – Петербург. Марта 20, 1838.

И первое, сердитое, и второе, мирное, письма ваши, мой милый Василий Петрович, были двумя каплями бальзама на мою душу, грустную и растерзанную. Одно показало мне степень дружбы вашей, другое чистую душу вашу, и много, много все это прибавило у меня к имени *Базиля*. Таких людей дайте мне, дайте мне их ближе к сердцу, и пусть они верят в меня, как в то, что и самый злой человек все-таки выше несколькими градусами дьявола. Как многое надобно б было мне говорить вам, писать вам! Да где взять времени? Как все *высказать*? Пишу ли я, не пишу ли я вам, верьте неизменяемости моей, как ни обвиняла бы меня внешность, так же, как верьте и дружбе моей к вам, всегдашней и неизменной. Жизнь моя здесь тяжела. Многого сделать не надеюсь, обвиняя и других, и себя.

Чувствую, что изнашиваюсь, что тело не

переносит духа, что половина меня не принадлежит уже здешнему миру, а что сделаю я одною половинкою, когда и та связана цепями, убита тягостью обстоятельств, лишена надежд, истерзана бешеными страстями и стынет в нестерпимом холоде! Вся моя цель теперь – судьба детей, кусок хлеба им – не более! Но и при всем том, хочу еще оправдания от людей, вам подобных. Неужели не видите вы еще искр во мраке, благородства в том, что делаю, желания пользы? Статья на Менцеля[202][203], на Давыдова[204], благородный тон критики, желание уничтожить эту мерзкую «Библиотеку» – всем этим я еще могу похвалиться. Желание успокоить, примирить, свести обе стороны – лучшая мечта моя. «Уголино» мой вам не понравился, но неужели в нем нет отзывов души, когда я сам *целое* ставлю весьма низко чувствую все его ничтожество? Белинский пишет, что моя схема поэзии и изящного ошибочная. Он не понимает, что говорит, и я уверен в ее точности. Желал бы видеть его возражения[205]; желал бы и критики его на «Уголино», самой жесткой, только справедливой. Ради бога, скажите ему,

чтобы он был только осторожнее, как можно осторожнее. Нельзя ли еще ему не ругать Греча и Булгарина? В таком случае мы останемся журналами, в почтительном положении, а без того – я не в силах буду остановить ругательств сумасшедшего Фаддея и злости Греча. Но клянусь, что моя рука против него никогда не двинется. Белинский чудак – болен добром, но любить его никогда я не перестану, потому что мало находил столь невинно-добрых душ и такого смелого ума при всяческом недостатке ученья. Вот почему хотел было я перезвать его в Петербург – боюсь, что он пропадет в Москве. Идеал недостаточен. Надобно мирить его с реализмом. Я сам никогда не был в этом мастер, но все не в такой степени, как Белинский.

За что вы все рассердились на статью Селивановского[206]? Опять я утверждаю, что истинно он не *мерзавец*, но только *человек* – просто, а статья его что же содержала? *Его* мнение, и довольно справедливое, и неужели журнал должен быть монополиею мнений? Это-то и губит нас, что мы монопольны и односторонны. Белинский, например, уничто-

жает классицизм и Державина[207] – несправедливо и ложно! Он не терпит Каратыгина [208], а я теперь узнал его как артиста, как человека и беру прежнее об нем мнение обратно. Он едет к вам – нарочно дам ему к вам письмо. Посмотрите его в Гамлете, Нино, Лире, Людовике XI[209]. Этого прежде он не игрывал, и он изумит вас. Мочалов думает, что я разлюбил его. Не нелепость ли? Какие причины этому?. Неужели кто любит Каратыгина, тот враг Мочалову? – Надеюсь в будущем доказать ему ошибку его. Письмо это покажите Белинскому, потому что не успеваю написать ему ничего отдельно. Предубеждение его против Петербурга – сущее ребячество! Города и люди везде одни. Мы создаем себе из них собственную атмосферу. Мне тяжело жить в Петербурге потому, что мне везде будет тяжело, кроме могилы, даже если бы ее не освещал и свет веры и она оказалась мне пантеистическим переходом частного в целое, в нелепости чего уверяет меня разум, ум и то, что еще выше ума. Простите – и верьте, верьте, не уму, но сердцу моему, и сами чаще спрашивайте его, а не этого негодяя, ума на-

шего, который гроша железного не стоит без сердца.

Ваш Н. Полевой.

29. К. А. Полевому[210]
30 марта 1838 г. Петербург

Вручитель этих строк Кольцов[211]. Добрый мой Ксенофонт! Позволь мне сказать тебе о нем, что это чистая, добрая душа, которую не надобно смешивать с Слепушкиными[212]. О даровании его ни слова, но я полюбил в нем человека. Пожалуйста, приласкай его; поговори с ним просто, и ты увидишь прекрасные проблески души и сердца и полюбишь его. Может быть, от того, что мне здесь холодно, как под полюсом, с Кольцовым грелся я, как будто у камина. Сейчас получил твое письмо... Прощай! Христос воскрес – в запас, потому что по получении этих строк тобою будет уже светлая неделя. Да светлеет она тебе и твоим!

Твой Николай.

30. Ф. В. Булгарину[213] 2 апреля 1838 г. Петербург

Вы спрашивали меня, любезнейший Фаддей Венедиктович, говорил ли я кому-нибудь и когда-нибудь, как пересказывал *кто-то* О. И. Сенковскому, будто вы с Н. И. Гречем наняли меня *ругать* его.

Отвечаю: *никогда* и *никому* я этого не говорил, и кто станет утверждать противное, тот *солжет*.

Верно, слова мои не так передали О. И.: я говорил и говорю, не скрывая ни перед кем, что по собственному убеждению почитаю О. И. Сенковского вредным для русской литературы человеком и, дорожа честью русской литературы, постараюсь остановить пагубное его влияние, которое сказывается в следующем:

1. он ввел у нас отвратительную литературную *симонию*[214] и сделал из литературы куплю;

2. он портит русский язык своими нововведениями, вовсе не умея писать по-русски;

3. он ввел в моду грубую насмешку в критике и обратил ее без пощады на всех, даже на самые святые для человека предметы, развращая при том нравы скарроновскими[215] повестями и ругательскими статьями;

4. он вводит в науки грубый эмпиризм и скептицизм, отвергает философию и всякое достоинство ума человеческого;

5. он берет на себя всезнание, ошибается, отпирается, утверждает небылицы и все это прикрывает гордым самоуверением;

6. он до того забылся, что считает себя вправе указывать всем другим, ученым и литераторам, берется за все и, не имея ни достаточных познаний, ни времени, ни способов, заменяет все это – дерзостью, самохвальством и тем портит наше юное поколение, приводя в замешательство даже умных и почтенных людей.

И все это я постараюсь ему доказать, вред (?) предупредить, литературу русскую от О. И. Сенковского спасти и всячески уничтожить его как *литератора*, ибо как человека я его не знаю и знать не хочу. Может быть, он почтеннейший семьянин, усердный сын отече-

ства, добрый друг, благотворитель близких – это до меня не касается, я говорю об Сенковском-литераторе.

Если он во всем вышеупомянутом искренне покается и переменит свои поступки, я готов с ним помириться и мои преследования прекращу.

Письмо это можете показывать кому угодно и самому О. И. Сенковскому[216], ибо я уверен в истине слов моих, дорожу честью русской литературы и, переступив на пятый десяток жизни, после двадцатилетних занятий литературных, смею не бояться пера его, а против языка его и *нелитературных орудий* противопоставляю чистую совесть и правоту дела и некоторую самостоятельность в литературе, которой не отвергает и сам О. И., сознаваясь в этом бессильною яростию, когда противу всех других он противопоставляет хладнокровное презрение.

С истинным и проч.

Н. Полевой.

Апреля 2 дня. 1838. СПб.

31. В. Ф. Одоевскому[217] 21 декабря 1838 г. Петербург

Вы позволили, милый князь, прислать к Вам за статейкой[218] во вторник в 6 часов – посылаю в среду, в 8-м; надеюсь, что вы простите мою доuku.

В XII книжке «Сына отечества» я помещу в «Литературных известиях» самое дружеское, но – извините!.. – осторожное извещение об издании «Отечественных записок» [219]. Осторожное потому, милый князь, что, заговори я безусловно панегириком, и Смирдин взбесится, да и кто еще знает будущую участь «Отечественных записок»? Может быть (от чего да сохранит их бог), они перейдут бог знает куда... Словом, я изъявлю дружбу и почтение, только с оговоркой. Говорю откровенно.

Касательно конторы ничего сделать не могу, ибо это выходит уже из пределов власти моей над «Сыном отечества». – Я в нем даври [220], а мой кубо[221] действует самобытно по всему, не касающемуся внутреннего содержа-

ния. Весь ващ Н. Полевой.

21-го XII. 1838 г. СПб.

**32. В. Ф. Одоевскому[222]
15(?) января 1839 г.
Петербург**

<...> **П**ервой книжкой «Отечественных записок» я не доволен, особенно томом критики и статей о художествах. Повесть «Зизи» [223] не в вашем роде, а как хорош зато «Город без имени» [224]! Он встанет с «Концертом Бетговена» и с «Пиранези» [225]. Вот *ваш* род! Прелесть решительная! Но я еще увижусь с вами.

Здравия и счастья! Н. П.

15.1.1839 г.

**33. А. В. Никитенко[226][227]
5 января 1840 г. Петербург**

Милостивый государь Александр Васильевич (?)

По журнальному нашему товариществу встречается неожиданное обстоятельство, и, полагая, что лучше прекратить все недоразумения и быть искренним с самого начала, я принужден об нем объяснить. Вот оно: в полученных мною подписанных вами корректурах нахожу я *перемены* и *поправки*, которые не относятся уже к ответственности вашей перед цензурою. Мне казалось излишним и упоминать, что *только цензурные поправки* предоставил я воле вашей. Литератору, 20-ть лет пишущему, позволено иметь некоторое самолюбие, и подвергать его другого рода корректуре довольно странно. Откровенно признаюсь, что ни с одною из виденных мною поправок ваших я *не согласен* и как *мыслей, мнений*, так и *слога моего* переменить позволить я не могу. Продолжение исправлений с вашей стороны заставит меня

просить Александра Филипповича[228] уволить меня от всякого участия в издании «Сына отечества» и предоставить его вам одним.

Простите мое объяснение, но, повторяю, *искренность* считаю я обязанностью, и верьте глубокому почтению и неизменной преданности, с коими честь имею пребыть ваш, милостивый государь, покорнейший слуга
Н. Полевой.

5 января 1840 года. СПб.

34. К. А. Полевому[229]

19 февраля 1843 г. Петербург

После письма моего с Ратьковым[230] я не писал к тебе, мой добрый, мой единственный брат и друг. Прошли целые месяца. Несколько писем твоих получил я и не отвечал. Что ты обо мне думаешь? Что я жив, это тебе неизвестно быть не может – что же кроме того? Знаю и верю, что в сердце моем ты не сомневался, сужу по себе, ибо скорее усомнюсь в бытии бога, нежели в вере моей в тебя. Но воображаю, что ты должен был думать о состоянии моем и как терзала тебя неизвестность обо мне? Ты и не ошибался – не знаю, как пережил я последние месяца прошлого года и начало нынешнего! Оскорблений, потерь, разочарований, крайности, до которой я был доведен, когда между тем видел все разрушенным, все погибшим впереди, вместе с моим здоровьем. Наконец, я сам не знаю, как все сделалось, я как будто ожил, поздоровел – по крайней мере, не умираю голодною смертью, могу думать, могу располагать,

мыслить и *первое*, что делаю, – пишу к тебе! О, мой брат и друг! И *первою* вестью, что напишу к тебе, – *отрадная* мысль, что мы скоро увидимся. Да, мой друг – *Святую неделю*, если только судьба опять не начнет губельного кризиса, надеюсь я провести с тобою в Москве, а до тех пор весь Великий пост, не знаю, как успею я переработать все, что переработать предполагаю... Но бог даст мне силы, а мысль свидания с тобою уверяет меня, что нынешний год будет *последним* годом страданий наших: либо умру под тяжестью труда, либо начну эпоху общего нашего спасения. Как о насмешке судьбы я должен известить тебя об успехе новой драмы моей – «Ломоносов» [231]. Ты, верно, читал ее в «Библиотеке для чтения». Она была написана в *неделю*, поставлена в *две недели*. Судить об ее достоинстве не могу, но успех ее был какой-то нелепый. В первое представление меня вызывали *три* раза, во второе – *четыре*. Потом я уж не был, но вызовы продолжались еще, три или четыре спектакля, и в 15-е представление недоставало билетов. Люди всех званий бывали по два, по три раза и уверяли, что ничего

лучше не выдывали. Если в этом странном успехе принадлежит что-нибудь мне, то столько же принадлежит и тебе – я переложил в разговоры «твоего Ломоносова» [232] и в этом воровстве каюсь перед тобою! Но скажи мне, ради бога, мой друг и брат, что же это: в самом деле хорошо или что же это такое значит? Отдавая «Ломоносова» на сцену, я просто ждал падения, ибо писал окончание его, посылая начало в типографию. Так чего же надобно? Неужели должно с ума сойти, чтобы угодить людям? В третьем действии плачут, когда у Ломоносова нет гроша на обед и Фриц приносит ему талер – а не знают, что это за несколько дней с самим мною было и что сцена не выдуманна...

Вольдемар и Никтопольон[233] вышли из Петровской школы с превосходными аттестатами и теперь готовятся к университету. В июле должны они держать экзамен для вступления в университет. Сергей поступил в Peters-Schule на место их – растет новое поколение! Будет ли оно умнее и счастливее нас(?)!

Мое благословенье твоим ребятишкам.

Лилле целую орлиную ручку и, прижимая тебя к сердцу моему, есмь и буду твой брат и друг.

Николай.

35. А. А. Краевскому[234][235] 9 декабря 1844 г. Петербург

Посылаю вам, милостивый государь Андрей Александрович, редкость: оду И. А. Крылова. Она была издана в СПб., в 1790 году (в 40, 10 стр., без означения типографии). Теперь ее не сыщете нигде. Напечатайте ее в «Отечественных записках» [236], ибо она составляет любопытную черту к характеристике века и жизни *дедушки Крылова*, а для журнала драгоценность. Тут можете прибавить и от себя несколько строк о Крылове, etc. У меня есть много таких вещей, и я охотно передам их вам, ибо без того могут они потеряться.

Посылка, моя, надеюсь, не удивит вас. Можно быть различных мнений в том и другом и взаимно уважать друг друга и желать друг другу добра, предоставляя мелкую личную злость людям ниже названия человека. Осмеливаюсь думать, что мы находимся в таком положении. Об этом надобно бы когда-нибудь поговорить откровенно, и переговоры привел бы ко взаимной пользе[237] и к

пользе общего дела. Верьте почтению и преданности того, кто есть и будет ваш, милостивого государя, покорнейший слуга

Н. Полевой.

Декабря 9, 1844 г. СПб.

36. А. В. Никитенко[238] 18 октября 1845 г. Петербург

Будьте милостивы и милосерды, драгоценнейший Александр Васильевич: пробегите, подпишите и возвратите мне с сим подателем прилагаемое при сем объявление о «Литературной газете», написанное в духе самодержавия, православия и народности, то есть совершенно сообразно предписаниям и воле его высокопревосходительства[239], желающего, да будет status quo[240] вечным законом русской литературы! Повинуемся, хотя ничто не заставит нас забыть, что, переживши Аракчеевых[241] и Магницких[242], неужели бедная Россия не переживет других врагов доброго царя русского? Если бы он знал, что делают люди, злоупотребляющие его доверенность... Но я забыл, что политика не входит в план «Литературной газеты»! Виноват: кого любишь и уважаешь, с тем невольно делаешься искренним. Верьте глубокому чувству почтения, с коим всегда я есть и пребуду ваш преданный

Н. Полевой.

18 октября 1845. СПб.

37. К. А. Полевому[243]

8 февраля 1846 г. Петербург

После моего последнего письма, мой любезный друг и брат, дела мои вообще не могли измениться, но лично мои дела сделались страшно хуже. С 3-го февраля я упал, как будто пораженный каким-то громовым ударом, на диван; лишился сна, пищи и впал в какое-то небытие нравственное и телесное. Жизнь моя, можно сказать, сделалась чем-то между жизнью и смертью. Всего более с трехдневной бессонницей я боялся сойти с ума. Заниматься я не только не могу, но не могу даже читать, и у меня голову обносит, когда я только о чем-нибудь подумаю. Долго ли это продолжится, не знаю; лечусь и предаю себя воле божией во всем. Одно только сохраняется в моей голове, что если бы ты только мог приехать сюда на месяц, на три недели, мне кажется, я и дела мои были бы спасены. Ни о чем больше рассуждать не могу и не умею. Посылаю тебе несколько отрывков из Монтолона[244]. Ради бога, постарайся их перевести

поскорее и переслать сюда в виде посылки на мое имя, у Аларчина моста, а не к Ольхину.

Благословляю твоих, мой поклон Лилле и брату Евсею.

Твой брат и друг Николай.

Примечания

В настоящее издание сочинений Н. А. Полевого вошли наиболее характерные и известные повести писателя, а также его письма. Некоторые из ныне публикуемых художественных произведений Полевого уже знакомы современному читателю (см.: Рассказы русского солдата. – В сб.: Русские повести XIX века 20-30-х годов. – М.; Л., 1950. – Т. 2. – С. 3—58; Блаженство безумия. – В сб.: Русская романтическая повесть: Первая треть XIX века. – М., 1983. – С. 301—336), другие впервые перепечатываются после долгого перерыва. Тексты повестей и писем расположены в хронологическом порядке. Сборник «Мечты и жизнь» включается полностью с сохранением авторской композиции.

Для настоящего издания тексты проверены по всем имеющимся рукописным (письма) или печатным источникам. Повести печатаются в последних редакциях. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, за исключением случаев, когда отклонения имеют экспрессив-

но-смысловой характер либо передают колорит эпохи, особенности произношения самого Полевого (например, «азиятское», «воксал», «вороты», «вынял», «скрыпка», «тма»). Сохранены также особенности пунктуации, имеющие интонационное значение.

Список принятых в примечаниях сокращений

Б *дЧ* – «Библиотека для чтения»

ВЕ – «Вестник Европы»

Записки – Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. – СПб., 1888.

Известия – Известия по русскому языку и словесности. 1929.– Т. 2, кн. I. – Л., 1929.

МТ – «Московский телеграф»

ОЗ – «Отечественные записки»

РА – «Русский архив»

РВ – «Русский вестник»

РС – «Русская старина»

СО – «Сын отечества»

СПч – «Северная пчела»

Письма

Эпистолярное наследие Н. А. Полевого издавна привлекало к себе внимание исследователей. Крупнейшими из существующих публикаций писем писателя являются следующие: Полевой К. А. Записки. – СПб., 1888. – С. 385 и далее; Из переписки Н. А. Полевого / Публикация Н. К. Козмина (РС. – 1901. – Т. 106. – С. 397—413); Из переписки Н. А. Полевого // Козмин Н. К. Очерки из истории русского романтизма: Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. – СПб., 1903. – С. 512—533; Из переписки Н. А. Полевого с А. А. Бестужевым // Известия по русскому языку и словесности. 1929. – Л., 1929. – Т. 2, кн. I. – С. 203—213; Белинский и его корреспонденты. – М., 1948. – С. 254—257; Письма Н. А. Полевого к С. Д. Полторацкому / Публикация В. Салинки // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. Литература. IX. – Вильнюс, 1966. – С. 301—324.

В настоящее издание вошли избранные письма Полевого разных лет, освещающие наиболее значительные факты его биогра-

фии, раскрывающие отношение писателя к его постоянным корреспондентам, характеризующие его мировоззрение. За исключением особо оговоренных случаев, тексты писем публикуются по автографам, хранящимся: в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) (А. А. Бестужеву, Е. А. Бестужевой, Ф. В. Булгарину (копия), А. В. Никитенко, Н. Ф. Полевой, К. А. Полевому (от 21. 1. 1838), П. П. Свиныну), ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (А. А. Краевскому, В. Ф. Одоевскому, С. Д. Полторацкому), Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (В. Г. Белинскому, А. Я. Булгакову, В. М. Перевощикову, А. А. Писареву), Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (А. И. Герцену, Ф. Н. Глинке).

В примечаниях к разделу писем использованы материалы перечисленных выше публикаций, а также комментарии Вл. Н. Орлова к «Запискам» К. Полевого (в кн.: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. (Л., 1934).

Примечания

1. П. П. Свиньину. Факсимильное воспроизведение письма в кн.: Полевой П. Н. История русской словесности. – СПб., 1900. – Т. 3. – С. 196—197.

[^^^]

Свинын Павел Петрович (1787—1839) – писатель, историк, издатель ОЗ (1818—1830), в которых Полевой выступал в начале 1820-х гг.

[^^^]

Колосова Александра Михайловна (1802—1880) – петербургская драматическая актриса; в октябре-декабре 1824 г. с большим успехом выступала в Москве.

[^^^]

Мочалов Павел Степанович (1800—1848) — крупнейший русский актер романтического направления; с 1817 г. на московской сцене (с 1824 г. в Малом театре), прославился в трагических ролях.

[^^^]

5

«*Черная шаль*» – написанное в 1820 г. стихотворение Пушкина; в 1823 г. положено на музыку композитором А. Н. Верстовским.

[^^^]

Александр Семенович – адмирал А. С. Шишков (1754—1841), писатель, государственный деятель, президент Российской академии, в 1824—1828 гг. министр народного просвещения и глава цензурного ведомства.

[^^^]

2. А. А. Писареву. Публикуется впервые.

[^^^]

Писарев Александр Александрович
(1780—1848) – генерал, писатель, попечитель
Московского университета, председатель Об-
щества истории и древностей российских при
Московском университете, членом которого
Полевой был избран в январе 1825 г. (вступи-
тельную речь читал 23 февраля 1825 г.).

[^^^]

...стихи г. Свечина... – Возможно, имеется в виду поэт Валериан Петрович Свечин либо, что более вероятно, активный участник изданного А. А. Писаревым альманаха «Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и в прозе военных литераторов» (Ч; 1-2.– М., 1825) Павел Свечин.

[^^^]

З. Д. М. Перевощикову. Впервые (в сокращении) в сб.: Русская литература. Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. – Т. ХСIV. Вып. 8. М., 1959.– С. 137. Полностью публикуется впервые.

[^^^]

Перовоциков Дмитрий Матвеевич
(1788—1880) – математик и астроном, профессор Московского университета, член Московского цензурного комитета.

[^^^]

...цыганская песня...– Речь идет о песне Земфиры «Старый муж, грозный муж...» из поэмы Пушкина «Цыганы». Несмотря на негативное отношение к ней Перевощикова, была, вместе с нотами записанного Пушкиным цыганского напева, напечатана в МТ (1825, No 21). Поэма «Цыганы» вышла отдельной книжкой в мае 1827 г.

[^^^]

«Войнаровский» – поэма К. Ф. Рылеева
(1795—1826).

[^^^]

4. П. П. Свиныну. Впервые: РС, 1901.– Т. 106.– С. 399—401.

[^^^]

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) – историк, критик, профессор Московского университета, в 1805—1807, 1811—1813 и 1815—1830 гг. – издатель журнала «Вестник Европы», в котором резко выступал против МТ.

[^^^]

Я не начинаю читать Пушкина! – Вероятно, речь идет о сборнике «Стихотворения А. Пушкина», вышедшем в 1826 г.

[^^^]

«Северные цветы» – альманах А. А. Дельвига (1798—1831), выходил в 1825—1831 гг.

[^^^]

«*Невский альманах*» на 1826 год – издан Е. В. Аладьиным.

[^^^]

Измайлов Александр Ефимович (1779—1831) — поэт, издатель враждебного в отношении к МТ журнала «Благонамеренный» (1818—1826); в данном случае речь идет о его альманахе «Календарь муз» на 1826 г.

[^^^]

«Урания» – альманах М. П. Погодина «Урания. Карманная книжка на 1826 год для любителей-ниц и любителей русской словесности».

[^^^]

«Калужская Урания» – возможно, альманах
«Калужские вечера».

[^^^]

...сборник пресловутого Писарева...– Речь идет о «Драматическом альбоме для любителей театра и музыки на 1826 год», изданном литературным противником Полевого Александром Ивановичем Писаревым (1803—1828) совместно с композитором Верстовским.

[^^^]

...у ваших петербургских откупщиков...— Имеются в виду издатели нескольких выходивших в Петербурге периодических изданий — Ф. В. Булгарин (1789—1859) и Н. И. Греч (1787—1867).

[^^^]

...мерзость, изданная Глинкою под названием Московской...— Речь идет о «Московском альманахе» С. Н. Глинки.

[^^^]

...«Пчелка» забыла весь стыд... – Имеются в виду рецензии на альманахи «Календарь муз» (СПч. – 1826. – No 6) и «Урания» (СПч. – 1826. – No 7).

[^^^]

...прошлого года связывался с ними.– После публикации в первом номере МТ критического разбора альманаха Булгарина «Русская Талия» первоначально добрые отношения между Полевым, с одной стороны, Булгариным и Гречем – с другой, испортились и началась длившаяся несколько лет журнальная война.

[^^^]

Федоров Борис Михайлович (1798—1875) – второстепенный писатель, журналист.

[^^^]

Шаликов Петр Иванович (1767—1852) – писатель-сентименталист, издатель «Дамского журнала», во второй половине 1820-х гг. ожесточенный литературный противник Полевого.

[^^^]

...в новом желтом мундире? – Вероятно, имеется в виду какое-то неудачное выступление Шаликова в печати.

[^^^]

5. Ф. Н. Глинке. Впервые: Литературный вестник. – 1902.– Т. IV, кн. 8.– С. 351.

[^^^]

Глинка Федор Николаевич (1786—1880) – один из руководителей декабристского Союза благоденствия, участник Отечественной войны 1812 г., поэт, председатель Вольного общества любителей российской словесности, в члены-корреспонденты которого Полевой был избран в декабре 1823 г.

[^^^]

Смирдин Александр Филиппович
(1795—1857) – издатель и книгопродавец.

[^^^]

...двумя вашими пьесами...– В первом номере МТ за 1826 г. были опубликованы стихотворения Глинки «Из пророка Исаяи» и «Мечта».

[^^^]

6. С. Д. Полторацкому. Впервые: Литература. –
С. 307. Датируется по содержанию.

[^^^]

Полторацкий Сергей Дмитриевич (1803—1884) – библиофил и библиограф, сотрудник МТ, один из близких Полевому людей. Их знакомство произошло в 1825 г. Письма Полевого к Полторацкому «написаны в иносказательной форме игры в республику и республиканское правительство» (Литература. – С. 303) и отражают характерное для редакционного кружка МТ увлечение буржуазно-демократическим строем Соединенных Штатов, национально-освободительным движением в латиноамериканских странах.

«*Journal des Debats*» – французская общественно-политическая газета, в 1820-е гг. имела буржуазно-либеральный характер.

[^^^]

...не пошел ни на какие советы Пушкина...– Намереваясь объединить близких ему литераторов вокруг возникшего в 1827 г. журнала «Московский вестник», Пушкин убеждал П. А. Вяземского, игравшего в первые годы существования МТ значительную роль в его редакции, отказаться от участия в журнале (письмо Пушкина к Вяземскому от 9 ноября 1826 г.).

[^^^]

Он пишет некрологию Тальмы...— «Известие о Тальме» (МТ. — 1827.— Ч. 13.— С. 48—82), посвященное знаменитому французскому актеру.

[^^^]

«*Encyclopedie portative*» – «Универсальная карманная энциклопедия по науке, литературе и искусству».

[^^^]

ваш...— Подпись в этом письме заменяет рисунок Полевого, сопровождаемый неточно цитированными строками элегии Пушкина «Погасло дневное светило...» (1820): «Неси меня, корабль, неси к пределам дальным по грозной прихоти обманчивых морей...»

[^^^]

7. С. Д. Полторацкому. Впервые: Литература. – С. 309—310. Датируется по содержанию.

[^^^]

Боливар Симон (1783—1830) – руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке.

[^^^]

Франклин – см. примеч. к с. 225.

[^^^]

Геро Эдмунд Иоахим (1791—1836) – французский поэт и литературный критик, влиятельный сотрудник журнала «Revue encyclopedique». Переговоры о его постоянном сотрудничестве в МТ успехом не увенчались.

[^^^]

Толстой Яков Никитич (1791—1867) – поэт-дилетант, театральный критик, председатель общества «Зеленая лампа»; выступал посредником в отношении Полевого с французскими журналистами.

[^^^]

«*Revuepoetique*» – работа Геро «Revue sommaire de quelques ouvrages poetiques» (1826).

[^^^]

«*Notre Revue*» – то есть «Наше обозрение». Полевой называет так французский журнал «*Revue encyclopedique*» (1819—1833), сотрудником которого был Полторацкий. По своему типу МТ был в значительной мере ориентирован на это издание.

[^^^]

Бойе (Буайе) Жан Пьер (1776—1850) – генерал, в 1818—1843 гг. президент республики Гаити.

[^^^]

8. (А. Я. Булгакову). Публикуется впервые. Адресат установлен на основании упоминания о статье Булгакова «Ответ на библиографический вопрос» (МТ. – 1827.– Ч. 16.– С. 5—35).

[^^^]

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863) — в 1809—1831 гг. чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, впоследствии московский почт-директор.

[^^^]

...в новом уставе...— Имеется в виду исключительно жесткий цензурный устав 1826 г., утвержденный взамен действовавшего с 1804 г.; в апреле 1828 г. он уступил место новому положению.

[^^^]

...статейка в «Московском вестнике»...– Речь идет о статье С. П. Шевырева «Тридцать лет, или Жизнь игрока» <...> соч. Виктора Дюканжа, переведенная с французского Ф. Ф. Кокошкиным» (1828.– No 2).

[^^^]

...невинные аханья в «Дамском журнале».-
Имеется в виду анонимная заметка «Суд о
„Жизни игрока“» (1828.- No 4).

[^^^]

...будучи дружна с цензором (он сам драматист)...— Речь идет о писателе, переводчике, театральном критике Сергее Тимофеевиче Аксакове (1791—1859), в 1827—1832 гг. известном своей взыскательностью московском цензоре. «Не раз задетый издателем МТ», «друг театральной партии Писарева», Аксаков, по словам К. Полевого, был «непримиримым врагом» Николая Алексеевича (Записки, с. 220).

[^^^]

попечитель – А. А. Писарев.

[^^^]

*министр народного просвещения – А. С. Шиш-
КОВ.*

[^^^]

Бенкендорф Александр Христофорович
(1783—1844) – шеф жандармов, начальник III
отделения собственной его императорского
величества канцелярии.

[^^^]

9. С. Д. Полторацкому. Впервые: Литература. – С. 317—318. ...*клянусь прахом того человека...*
– Вероятно, речь идет о Вашингтоне.

[^^^]

10. В. Ф. Одоевскому. Впервые: Звезда. – 1946. –
№ 2-3. – С. 186—187. Окончание письма не со-
хранилось.

[^^^]

Одоевский Владимир Федорович (1803 или 1804—1869) – писатель, музыкальный критик, участник МТ. Его знакомство с Полевым состоялось, видимо, в 1823 г.

[^^^]

Соболевский Сергей Александрович
(1803—1879) – библиофил, поэт-эпиграмматист, близкий друг Пушкина.

[^^^]

Вяземские, Боратынские <...> *встречают у меня запертую дверь.*— Разрыв отношений Полевого с Вяземским произошел в 1829 г. в первую очередь в связи с резкими отзывами издателя МТ об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В то же время прекращаются отношения Полевого с Евгением Абрамовичем Баратынским (1800—1844), в 1825—1828 гг. близким знакомым Полевого, сотрудником его журнала.

[^^^]

...директор коммерческой академии...— В январе 1829 г. Полевой был избран членом совета Московской Практической академии коммерческих наук. 1

[^^^]

...член Мануфактурного совета...– Членом Московского отделения Мануфактурного совета Полевой был избран в 1828 г.

[^^^]

Оболянинов Петр Хрисанфович (1752—1841) — в 1817—1832 гг. московский губернский предводитель дворянства.

[^^^]

Дегай Павел Иванович (1792—1849) – известный юрист.

[^^^]

Бегичев Дмитрий Никитич (1786—1855) – крупный чиновник, автор известного романа «Семейство Холмских» (1832—1841).

[^^^]

следовательно (лат.).

[^^^]

...том романа...– Видимо, речь идет о «Клятве при гробе господнем» (издан в 1832 г.).

[^^^]

...несколько глав книги о политической экономии...– не сохранилась.

[^^^]

...с «Историєю русского народа»! – Этот труд остался незавершенным, в 1829—1833 гг. вышли шесть томов, повествование было доведено до середины царствования Ивана IV.

[^^^]

После Карамзина? – Подразумевается «История государства Российского» (Т. I—XI. – 1818—1824).

[^^^]

Верстовский Алексей Николаевич
(1799—1862) – композитор и музыкант, чиновник, приятель Одоевского и Полевого.

[^^^]

Репина Надежда Васильевна (1809—1867) —
московская певица, гражданская жена Вер-
стовского.

[^^^]

Кокошкин Федор Федорович (1773—1838) — драматург, переводчик, в 1823—1831 гг. управляющий московскими театрами.

[^^^]

11. А. С. Пушкину. Впервые: РА. – 1880.– Кн. 3.– С. 448. Печатается по изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941.– Т. XIV. – С. 73—74. Является ответом на письмо Пушкина от 27 марта 1830 г., в котором поэт, только что избранный действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете, обращался к Полевому с вопросами.

[^^^]

Мы все, старые члены... – Полевой был избран членом – сотрудником Общества в 1822 г., а действительным членом – 30 марта 1829 г.; избрание Пушкина состоялось 23 декабря 1829 г.

[^^^]

Общество Соревнователей – Вольное общество любителей российской словесности (1816—1825), прекратившее свою деятельность после событий декабря 1825 г.

[^^^]

12. А. А. Бестужеву. Впервые: Известия. – С. 203—213. Служит ответом на письмо Бестужева из Дербента, содержавшее высокую оценку МТ и «Истории русского народа», а также предложение о сотрудничестве. (Письмо Бестужева утрачено, пересказ его содержания: РВ. – 1861.– Т. 32,– С. 286.)

[^^^]

Бестужев Александр Александрович (псевд. Марлинский) (1797—1837)-писатель, журналист, критик; декабрист, после поражения восстания находился в ссылке в Якутске, в 1829 г. переведен рядовым на Кавказ. Близкое знакомство Полевого с Бестужевым относится к 1823—1824 гг.

[^^^]

Лазарь – герой евангельской легенды о воскрешении Лазаря.

[^^^]

...узнал вас, <...> в «Сыне отечества».— Имеется в виду повесть «Испытание» (СО. — 1830.— Т. 13), напечатанная за подписью «А. М.» с пометкой «1830, Дагестан». Ее появление стало своего рода повторным литературным дебютом писателя.

[^^^]

...за холерою...– Речь идет о поразившей Москву в 1830 г. эпидемии холеры.

[^^^]

...разгадывали и прежде Карамзина!– Возможно, имеется в виду следующее суждение Бестужева: «Время рассудит Карамзина как историка...» (Полярная звезда на 1823 год. – С. 15).

[^^^]

13. А. С. Пушкину. Впервые: РА. – 1880.– Кн. 3.– С. 448. Печатается по изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941.– Т. XIV. – С. 138. Является ответом на письмо Пушкина от 1 января 1831 г., в котором поэт благодарил Полевого за присылку МТ.

[^^^]

В самой литературной неприязни...– Письмо Полевого Пушкину написано в период резких столкновений издателя МТ с писателями пушкинского круга.

[^^^]

14. А. А. Бестужеву. Впервые: Известия. — С. 206—207. Служит ответом на письма Бестужева от 29 января и 12 февраля.

[^^^]

...мое письмо от 26 декабря...– Ошибка, речь идет о письме от 20 декабря (получено в Дербенте 28 января).

[^^^]

Приложения при нем достойны вас...– Видимо, речь идет о повести «Страшное гадание» (МТ. – 1831.– Ч. 38) и «Письме доктору Эрману» (МТ. – 1831.-Ч. 41).

[^^^]

Нибур Бартольд Георг (1776—1831) – немецкий историк, основоположник научно-критического метода. Высоко ценился Полевым, посвятившим ему «Историю русского народа». В письме речь идет об основном труде Нибура – «Римской истории».

[^^^]

Гизо Франсуа (1787—1874) – французский историк, политический деятель, журналист; его идеи оказали существенное влияние на Пелевого-историка.

[^^^]

Мицкевич Адам (1798—1855) – польский поэт-романтик, в первые годы издания МТ, находясь в ссылке в России, входил в кружок журнала.

[^^^]

Омир – Гомер.

[^^^]

Иван Иванович.— Описка; речь идет о штабс-капитане Иване Петровиче Жукове, сосланном на Кавказ по делу декабристов.

[^^^]

15. А. А. Бестужеву. Впервые (с неточностями):
Известия. – С. 208—213.

[^^^]

...соименник товарищу младшего Кира, ученику Сократа, а не апостолу Петру...– В письме от 12 февраля 1831 г. К. А. Полевой по ошибке назван Петром (РВ. – С. 295).

[^^^]

...Жан-Полев демон...– Речь идет о каком-то произведении немецкого писателя Жан Поля (см. примеч. к с. 212).

[^^^]

...как чешуя с глаз Савла...– Имеется в виду евангельская легенда о прозрении апостола Павла (Савла).

[^^^]

«Письмо к Эрдману» – опубликовано в МТ. –
1831.– Ч. 41.– С. 37—73.

[^^^]

Гальба Сервий Сулипиций (5 до н. э. – 69 н. э.) – римский император.

[^^^]

...помещичий огород Греча...– Имеется в виду СО.

[^^^]

Ваш «Белозор»...— Речь идет о повести «Лейтенант Белозор» (СО. — 1831.-№ 34—42).

[^^^]

Ирвинг – см. примеч. к с. 370.

[^^^]

«Ужасное гаданье».— Речь идет о повести
«Страшное гаданье» (МТ. – 1831.-Ч. 38).

[^^^]

«Аммалат-Бей».— Речь идет о повести «Аммалат-бек» (МТ. – 1832.— Но 1-3), посвященной автором Н. А. Полевому. В своем письме Бестужев высказывал сомнение, подойдет ли повесть для МТ, и предлагал передать ее в СО.

[^^^]

«Собор Парижской богородицы» (фр.).

[^^^]

Иван Петрович – Жуков.

[^^^]

16. Е. А. Бестужевой. Публикуется впервые.

[^^^]

Бестужева Елена Александровна
(1792—1874) – старшая дочь в семье Бестужевых; после событий 14 декабря фактически стала главой семьи.

[^^^]

...не знал я, что печатание и издание производится вами.— Е. А. Бестужева ведала издательскими делами брата; 5 частей анонимно изданных «Русских повестей и рассказов» А. А. Бестужева печатались в 1832 г. в типографии Греча, в 1833 г. право на издание было передано Бестужевым братьям Полевым.

[^^^]

...письмо о Кавказской стене, о битвах с Казы-Муллою...— имеются в виду «Письма из Дагестана» (СПч.— 1832.— Но 142—148 и 169—178).

[^^^]

Воейков Александр Федорович (1779—1839) — поэт, переводчик, журналист, редактор газеты «Русский инвалид» (1822—1838) и «Литературных прибавлений» к «Русскому инвалиду» (1831—1839).

[^^^]

В «Телеграфе» будет посвящена Марлинскому большая отдельная статья.— В журнале Полевого появилась лишь рецензия на «Русские повести и рассказы» (1833.— No 2.— С. 328—336).

[^^^]

17. В. К. Карлгофу. Впервые: РА. – 1912.– No 3.–
С. 419—420. Печатается по этому изданию.

[^^^]

Карлгоф Вильгельм Иванович (1796—1841) — писатель и переводчик, генерал-майор; особенно сблизился с Полевым в 1831 г., резкий разрыв в их отношениях произошел в 1838 г.

[^^^]

«Суд божий».— Как видно из послесловия к роману «Клятва при гробе господнем» (Ч. IV. — М., 1832), Полевой предполагал писать его продолжение под названием «Суд божий».

[^^^]

...под названием «Художник».- Речь идет о «Живописце».

[^^^]

«Новоселье» – первая часть знаменитого альманаха «Новоселье», выпущенного в 1833 г. в честь А. Ф. Смирдина. Здесь были напечатаны «Сказка о царе Берендее» В. А. Жуковского, «Домик в Коломне» Пушкина, «Большой выход у сатаны» Барона Брамбеуса (О. И. Сенковского), повести В. Одоевского «Бал» и «Бригадир», «Анекдоты императрицы Екатерины II» А. С. Шишкова и др.

[^^^]

на основании опыта (*лат.*).

[^^^]

18. В. К. Карлгофу. Впервые: РА. – 1912.– No 3.–
С. 420—421. Печатается по этому изданию.

[^^^]

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) – писатель, журналист; в 1833 г. опубликовал драматическую фантазию «Торквато Тассо», имевшую шумный успех.

[^^^]

Бахтурин Константин Александрович
(1809—1841) – второстепенный поэт и драматург.

[^^^]

Вельтман – см. примеч. к с. 165.

[^^^]

...получил я Языкова...— Речь идет о «Стихотворениях» Николая Михайловича Языкова (1803—1846). На страницах МТ этот сборник получил негативную оценку (МТ. — 1833.— No 6.— С. 228—237).

[^^^]

«Пестрые сказки» – сборник В. Ф. Одоевского «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным» (СПб., 1833). Критический отзыв Полевого об этом сборнике в МТ (1833.– № 8.– С. 572—582) вызвал его ссору с Одоевским.

[^^^]

...жаненовский манер...– Вероятно, имеется в виду «Contes fantastiques» (1833) Ж. Жанена (см. примеч. к с. 179).

[^^^]

Подолинский Андрей Иванович (1806—1886),
Козлов Иван Иванович (1779—1840), *Шевырев*
Степан Петрович (1806—1864), *Алексеев* Фе-
дор, *Шишков* Александр Ардалионович
(1799—1832), *Погодин* Михаил Петрович
(1800—1875) – поэты и прозаики.

[^^^]

...о ваших «Повестях»...– Имеются в виду «Повести и рассказы Вильгельма Карлгофа» (СПб., 1832.– Ч. 1-2).

[^^^]

19. Н. Ф. Полевой. Впервые (с небольшими сокращениями): РС. – 1870.– No 6.– С. 552—553. Написано из III отделения, куда Полевой был доставлен с жандармом по распоряжению Николая I для дачи показаний о своей рецензии, посвященной драме Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» (МТ. – 1834.– Ч. 55).

[^^^]

Полевая (урожд. Терренберг) Наталья Францевна (1806—1896) – жена писателя.

[^^^]

Сергей – в то время трехлетний сын Полевого.

[^^^]

...мой голубой проводник... – форма офицеров
корпуса жандармов.

[^^^]

граф Александр Христофорович – Бенкендорф.

[^^^]

...*Немочке нашей...*– Так Полевой называл младшую сестру своей жены.

[^^^]

20. В. Г. Белинскому. Впервые (не полностью): Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. – СПб., 1876. – Т. I. – С. 145. Написано в ответ на письмо Белинского от 26 апреля 1835 г., в котором сообщалось о переходе под редакцию Белинского журнала «Телескоп» и содержалась характеристика Полевого как «человека, который с <...> благородным и беспримерным самоотвержением старался водрузить на родной земле хоругвь века, который воспитал своим журналом несколько юных поколений и сделался вечным образцом журналиста...». К письму был приложен билет на бесплатное получение «Телескопа». Знакомство Полевого с В. Г. Белинским (1811—1848) состоялось в 1835 г. Как свидетельствует К. Полевой, «Белинский признавал себя учеником „Московского телеграфа“» (СПч. – 1859. – No 229).

[^^^]

...благосклонная рука потрепала лавры старика.– Измененная цитата из романа «Евгений Онегин» (гл. 2, строфа XL).

[^^^]

21. В. Г. Белинскому. Впервые (с незначительными сокращениями): Белинский. Письма. – СПб., 1914.– Т. I. – С. 391. Ответ на письмо Белинского от того же числа.

[^^^]

Беда не велика...— Речь идет, вероятно, о сборнике «Plutarque Francais» (Paris, 1834), задержанном Белинским.

[^^^]

приятель мой оба начал их...— Имеется в виду статья Полевого о драме Виньи «Чаттертон» (Телескоп. — 1835.— No 7), а также намеченная рецензия на первые тома «Энциклопедического лексикона». В связи с тем, что после закрытия МТ имя Полевого было под запретом, в письме говорится об этих работах намеком.

[^^^]

Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882) — попечитель Московского учебного округа, председатель московского цензурного комитета.

[^^^]

22. А. И. Герцену. Впервые: Полярная звезда на 1859 год, изданная Искандером и Н. Огаревым. – Кн. 5.– Лондон, 1859.– С. 196—198. Написано в ответ на несохранившееся письмо Герцена, находившегося в то время в вятской ссылке.

[^^^]

Будем опять вместе...– Герцен познакомился с братьями Полевыми в 1832– нач. 1833 г.; к этому времени относятся их споры о сенсимионизме (Былое и думы. – Ч. I. – Гл. 7).

[^^^]

Статью вашу о Гофмане...— Статья Герцена «Гофман» была впоследствии опубликована в «Телескопе» (1836.— № 10), что послужило основанием для ссоры Полевого с Герценом.

[^^^]

Братец ваш...— Егор Иванович Герцен
(1803—1882).

[^^^]

...вы принялись за географию, за статистику... – В 1835 г. Герцен был привлечен к работе губернского статистического комитета в Вятке.

[^^^]

23. В. Г. Белинскому. Впервые: Белинский. Письма. – Т. I – С. 393. Написано на обороте письма Белинского от 25 января 1837 г. Датировается на основании этого факта, а также по содержанию.

[^^^]

Вронченко Михаил Петрович (1801 или 1802-1855) – географ, переводчик, сотрудник МТ; речь идет о его переводе «Гамлета».

[^^^]

Глазунов (Улитин) Николай Николаевич –
книгопродавец, владелец библиотеки для
чтения.

[^^^]

Ратьков Петр Алексеевич – секретарь редакции и управляющий конторой МТ; «почтеннейший» – прозвище Ратькова.

[^^^]

Ксенофонт (ок. 430—355 или 354 до н. э.) — древнегреческий историк и писатель, ученик Сократа; участвовал в походе иранского принца Кира Младшего против его брата Артаксеркса.

[^^^]

Кин Эдмунд (1787—1833) – крупнейший английский актер.

[^^^]

24. О. И. Сенковскому. Впервые: Старина и новизна. Кн. 9.— СПб., 1905.— С. 326—327. Печатается по этому изданию.

[^^^]

Сенковский Осип Иванович (1800—1858) – ученый, писатель, критик, журналист, редактор журнала «Библиотека для чтения» (1834—1856), в котором в 1836-38 и 1843 гг. сотрудничал Полевой.

[^^^]

...написать о Пушкине.— Написанный Полевым некролог «Пушкин» см.: БдЧ. — 1837.— Т. 21, отд. I. — С. 181—198.

[^^^]

25. К. А. Полевому. Впервые: Записки. – С. 395—406 с двойной датировкой – по старому и новому стилю. Печатается по этому изданию.

[^^^]

Переселение в Петербург...– Отъезд состоялся
12 октября 1837 г.

[^^^]

Итак... бежать! – К- Полевой сопровождает эти строки следующим примечанием: «Это место его письма, темное для читателя, не может быть прояснено мною. Скажу только, что он говорит о тайне *сердца*, унесенной им в могилу» (Записки. – С. 397).

[^^^]

...спасти себя от стариков...– «Стариками» Н. А. Полевой называл ростовщиков.

[^^^]

Труд мой, который и принимаю на себя здесь...

– Согласно договору с книгоиздателем А. Ф. Смирдиным, Полевой принимал на себя с 1838 г. редакцию СО и СПч., арендованных Смирдиным у Булгарина и Греча, но оставшихся под их фактическим контролем. Вследствие интриг Булгарина Полевой был вскоре вытеснен из редакции СПч.

[^^^]

...смерть бедной немочки...— см. примеч.
к письму No 19.

[^^^]

...болезнь старухи...– Речь идет о теще писателя.

[^^^]

...Александр Христофорович – Бенкендорф, находившийся в то время в Москве. Полевой обращался к нему с просьбой разрешить выставлять свое имя под журнальными статьями и открыто объявить себя редактором СПЧ и СО, но получил неблагоприятный ответ.

[^^^]

...писать на заказ романы... – Возможно, имеется в виду роман «Синие и зеленые» (вышел в 1841 г. под названием «Византийские легенды. Иоанн Цимиский. Быль X в.»).

[^^^]

Дюмон-Дюрвиль Жюль Себастьян Сезар (1790—1842) – французский мореплаватель, описавший свои экспедиции; в 1835—1837 гг. Полевой перевел 10 томов его «Всеобщего путешествия вокруг света».

[^^^]

...говорил, как Цицерон...– здесь: известная в семье Полевых шутовская формула.

[^^^]

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ (*англ.*).

[^^^]

Уваров Сергей Семенович (1786—1856) – литератор, реакционный государственный деятель, министр народного просвещения (1833—1849), автор формулы «самодержавие, православие, народность», непримиримый враг Полевого.

[^^^]

столь жестокую славу (*фр.*).

[^^^]

Шаль Виктор Эвремон Филарет (1798—1873) – французский писатель и критик.

[^^^]

Жанен – см. примеч. к с. 179.

[^^^]

...начало «Истории Петра Великого»...– «Опыт исторического рассказа о Петре Великом» (СО. – 1838.– Т. I, отд. 1.– С. 27—69).

[^^^]

Жакоб-библиофил – псевдоним французского писателя Поля Лакруа (1806—1884).

[^^^]

...о Минине...– статья Полевого «Материалы для истории Козьмы Минина» (СО. – 1838.– Т. I, отд. 3.– С. 10—28).

[^^^]

Ротчев Александр Гаврилович (1806—1873) – поэт, переводчик.

[^^^]

Сент-Бев Шарль Огюстен (1804—1869) – французский критик, поэт.

[^^^]

Делиль – см. примеч. к с. 144.

[^^^]

...шлепнутся о смирдинский прилавок в один день...– Смирдин был также издателем «Библиотеки для чтения».

[^^^]

«Уголино» – драма Полевого.

[^^^]

Ольдекон Евстафий Иванович (1786—1845) — писатель, переводчик, журналист, цензор драматических произведений.

[^^^]

Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853) – знаменитый петербургский актер.

[^^^]

Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) – выдающийся русский актер (с 1824 г. в Малом театре).

[^^^]

Орлов Павел Никитич (род. 1811) – актер.

[^^^]

...отдай... «мошенникам»...— Речь идет об известных в Москве переписчиках.

[^^^]

...посвящаю я теперь опере...— Начатая Полевым еще в Москве работа над либретто оперы «Железное перо» не была завершена.

[^^^]

Стефан Алексеевич – С. А. Маслов (1793—1879), известный деятель в области сельского хозяйства.

[^^^]

«Я пью один...» – Из стихотворения Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»): «Я пью один, и на берегах Невы меня друзья сегодня именуют... Но многие ль и там из вас пируют? Еще кого не досчитались вы?»

[^^^]

Говорить ли тебе о несчастном событии пожара? – Речь идет о пожаре Зимнего дворца в декабре 1837 г.

[^^^]

26. В. Г. Белинскому. Впервые полностью: Белинский и его корреспонденты. – С. 255—256.

[^^^]

...на ваши дружеские послания.— Эти письма не сохранились.

[^^^]

Статьи вашей...— Видимо, имеется в виду статья о «Гамлете», отправленная Белинским к Полевому с Кольцовым. Опубликовав в начале 1838 г. в СПч (1838.— Но 4) начало статьи, Полевой отказался печатать ее продолжение, объясняя это большим объемом работы Белинского. Полностью статья была напечатана позднее в журнале «Московский наблюдатель».

[^^^]

...наш урод...— Имеется в виду Мочалов, игре которого была присуща неровность. «Угольно» шел с успехом в бенефис Мочалова в Малом театре 21 января 1838 г.

[^^^]

Василий Боткин – см. примеч. к письму No 28.

[^^^]

Шевырев Степан Петрович (1806—1864) – поэт, критик, историк литературы, один из основных оппонентов Белинского в области литературной критики.

[^^^]

27. К. А. Полевому. Впервые (с незначительными неточностями): Записки. – С. 408—412.

[^^^]

...как описывал Вильгельма в «Аббаддонне». —
Подразумевается роман Полевого «Аббаддонна» (ч. 2, гл. 4), герой которого Вильгельм Рейхенбах является на представление своей трагедии в многочисленном обществе мещан.

[^^^]

Талиони (Тальони) Мария (1804—1884) – итальянская артистка балета; в 1837—1842 гг. выступала в Петербурге.

[^^^]

...торчали бородки...– «Бородки!.. черта времени. Тогда борода была принадлежностью купцов и простолюдинов». (Примеч. К. Полевого. – Записки. – С. 410).

[^^^]

...студенческая кровь.– Из эпиграммы А. С. Грибоедова «И сочиняют врут, и переводят – врут!»

[^^^]

Вероника – героиня «Уголино».

[^^^]

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — писатель, драматург; в 1831—1842 гг. директор московских театров.

[^^^]

28. В. П. Боткину. Впервые: Звенья. III—IV. — М.; Л., 1934.— С. 881—882. Печатается по этому изданию.

[^^^]

Боткин Василий Петрович (1811—1869) – писатель, критик, друг Белинского и Герцена.

[^^^]

Статъа на Менцеля...– см. примеч. к письму
№ 25.

[^^^]

Менцель Вольфганг (1798—1873) – немецкий писатель и критик; в данном случае имеется в виду подробный отзыв о русском переводе его «Немецкой словесности» (СПб., 1837.– Ч. 1).

[^^^]

...на Давыдова...— Имеется в виду рецензия на «Чтения о словесности» филолога и философа профессора Ивана Ивановича Давыдова (1794—1863) (СО.— 1838.— Т. 1, отд. 4.— С. 106—138).

[^^^]

Желал бы видеть его возражения...– Рецензия Белинского на «Уголино», содержащая резко отрицательную оценку этого сочинения, появилась в майской книжке журнала «Московский наблюдатель».

[^^^]

За что вы все рассердились на статью Селивановского? – Имеется в виду подписанное инициалами «А. М.» «Письмо москвича» (СО. – 1838,– Т. 2, раздел «Смесь и нечто». – С. 17—23), содержавшее резкие выпады против Белинского-критика. Его автором был общий знакомый Полевого и Белинского Николай Семенович Селивановский (1805—1852).

[^^^]

Белинский, например, уничтожает классицизм и Державина...— Вероятно, речь идет о начале статьи Белинского «„Гамлет“, Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета».

[^^^]

Он не терпит Каратыгина...– См., например, статью «И мое мнение об игре г. Каратыгина» (1835).

[^^^]

Посмотрите его в <...> Людовике XI.– Имеется в виду драма П. Г. Ободовского «Заколдованный дом».

[^^^]

29. К. А. Полевому. Впервые: Записки. – С. 422.
Печатается по этому изданию.

[^^^]

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — поэт; о его общении с Полевым в 1838 г. см. письма Кольцова к Белинскому.

[^^^]

Слепушкин Федор Никифорович (1783—1848) — поэт-самоучка, выходец из крестьянской среды.

[^^^]

30. Ф. В. Булгарину. Впервые: РС. – 1896.– No 6.–
С. 568.

[^^^]

Симония – приобретение духовных должностей за деньги.

[^^^]

Скаррон Поль (1610—1660) – французский писатель, автор пародийных произведений в различных жанрах.

[^^^]

Письмо это можете показывать кому угодно и самому О. И. Сенковскому... – Как показывает последующая полемика, письмо Полевого действительно стало известно Сенковскому (см.: Каверин В. Барон Брамбеус. – Л., 1929.– С. 122).

[^^^]

31. В. Ф. Одоевскому. Впервые: РС. – 1904.– Т. 119.– С. 159—160.

[^^^]

...прислать к вам за статейкой...– Одоевский выступал в СО как музыкальный критик под псевдонимом «Отставной капельмейстер Карл Биттерман».

[^^^]

...извещение об издании «Отечественных записок».— Журнал А. А. Краевского ОЗ, деятельным сотрудником которого был Одоевский, начал выходить с 1839 г. В 12-й книжке СО за 1838 г. Полевым было опубликовано лишь краткое известие об ОЗ.

[^^^]

Даири – духовный император в старой Японии.

[^^^]

Кубо – светский император в старой Японии.

[^^^]

32. В. Ф. Одоевскому. Сохранился лишь отрывок письма, причем в рукописи имеются дефекты. Цитировано П. Н. Сакулиным в кн.: Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. – Писатель. – М., 1913.– Т. I. – Ч. 2.– С. 295. Полностью публикуется впервые.

[^^^]

«Зизи» – повесть Одоевского «Княжна Зизи»
(ОЗ. – 1839.– Т. I. – С. 3—70).

[^^^]

«Город без имени» – повесть Одоевского в жанре антиутопии; впервые опубликована в «Современнике» (1839.– Кн. 1.– С. 97—120).

[^^^]

Он встанет с «Концертом Бетговена» и с «Пиранези».– Речь идет о повестях «Последний квартет Бетховена» (1830) и «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi» (1831). Как и «Город без имени», вошли позднее в состав романа «Русские ночи».

[^^^]

33. А. В. Никитенко. Публикуется впервые.

[^^^]

Никитенко Александр Васильевич (1804—1877) – критик, литературовед, профессор Петербургского университета, цензор. С 1840 г. стал соредактором Полевого по СО и «ответственным редактором перед правительством за все издание» (Никитенко А. В. Дневник. – Т. 1.– С. 275). О столкновении с Полевым и последующем примирении см.: Дневник. – Т. 1.– С. 218.

[^^^]

Александр Филиппович – Смирдин.

[^^^]

34. К. А. Полевому. Впервые: Записки. — С. 551—553. Печатается по этому изданию.

[^^^]

Ратьков – см. примеч. к письму No 23.

[^^^]

«Ломоносов» – «Ломоносов, или Жизнь и поэзия. Драматическая повесть Н. Полевого» (БдЧ. – 1843.– Т. 56.– С. 60—312). Представлена в Петербурге 2 февраля 1843 г.

[^^^]

...я переложил в разговоры «твоего Ломоносова»...– См.: Полевой Ксенофонт. Михаил Васильевич Ломоносов. – М., 1836.– Ч. 1-2.

[^^^]

Вольдемар и Никтопольон – сыновья Н. Поле-
вого.

[^^^]

35. А. А. Краевскому. Впервые: Литературное наследство. – Т. 56. – Ч. 2. – М., 1950. – С. 174. Этим письмом Полевой сделал попытку примирения с ОЗ, позиция которых по отношению к нему была до того резко враждебна.

[^^^]

Краевский Андрей Александрович
(1810—1889) – журналист, издатель ОЗ.

[^^^]

Напечатайте ее в «Отечественных записках»... – Ода И. А. Крылова «На заключение мира России со Швециею» вошла в состав статьи Белинского «Иван Андреевич Крылов» (ОЗ. – 1845.– Т. 38).

[^^^]

...переговор привел бы ко взаимной пользе...–
Начатые этим письмом взаимоотношения привели к тому, что в конце 1845 г. Полевой получил в свои руки по договору с Краевским «Литературную газету».

[^^^]

36. А. В. Никитенко. Отрывок в кн.: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. – (Л., 1934).– С. 74. Полностью публикуется впервые.

[^^^]

Его высокопревосходительство – С. С. Уваров
(см. примеч. к письму No 25).

[^^^]

существующее положение (*лат.*).

[^^^]

Аракчеев Александр Андреевич (1769—1834) — реакционный государственный деятель, насаждал политику полицейского деспотизма.

[^^^]

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1844) – попечитель Казанского учебного округа в 1819—1826 гг., известный реакционер.

[^^^]

37. К. А. Полевому. Последнее письмо Полевого к брату. Впервые: Записки. – С. 579—580. Печатается по этому изданию.

[^^^]

Монтолон Шарль Тристан (1783—1853) — французский генерал, бонапартист, автор мемуаров.

[^^^]